

АФФИКСАЦИЯ — ОДИН ИЗ ПРОДУКТИВНЫХ СПОСОБОВ СЛОВООБРАЗОВАНИЯ В АМЕРИКАНСКОМ ОБЩЕМ СЛЕНГЕ XX СТОЛЕТИЯ

Сленг представляет собой чрезвычайно своеобразное и интересное явление в английском языке как в теоретическом, так и в практическом плане. Этой категории лексики посвящены специальные словари, монографии и научная литература. Советские исследователи отмечают богатство и разнообразие английского и американского сленга. Сленг заслуживает серьезного исследования как сам по себе, так и в его взаимоотношениях с другим словарным составом [1—7].

Сленг в значительном количестве встречается на страницах американских журналов, газет, литературных произведений.

В американской художественной литературе его широко используют не только в прямой речи персонажей, но и в авторском повествовании такие, например, писатели: Дж. Селинджер, Дж. Фолкнер, Э. Хемингуэй, М. Квин, Э. Колдуэлл, Дж. Апдайк и др.

Сленг входит отдельным слоем в разговорную речь. В связи с этим возникает необходимость изучить и систематизировать так называемые нелитературные слои языка, в частности сленг. Между ним и литературной лексикой все время происходит обмен, в процессе которого сам сленг является одним из источников, которые пополняют литературный английский язык [8—10].

В данной работе анализируются результаты исследования американского общего сленга.

Проблема заключалась в выявлении статуса общего сленга по отношению к нейтральной общелитературной лексике. При этом нас интересовали единицы, которые соотносятся со словами нейтральной лексики в плане полисемии-омонимии и, с другой стороны, сленгизмы, которые не имеют аналогов в нейтральной лексике. Как показало наше исследование, соотношение сленга с нейтральной лексикой проявляется не только в наличии аналогов, но и в том, что сленгизмы, которые являются словами общенародного языка, имеют те же способы словообразования, что и единицы общелитературной лексики (аффиксация, словосложение, конверсия, сокращения и пр.).

Мы рассматриваем те сленгизмы, которые образованы путем суффиксации и не имеют идентичных словоформ в нейтральной общелитературной лексике. Таких слов в нашей выборке 1 856 (из общего числа 7 298 единиц).

Исходным материалом для исследования послужила выборка американского общего сленга из словарей американского сленга [11, 12] и других авторитетных словарей [13, 14]. Подтверждением их принадлежности к данной категории слов служат иллюстративные примеры, найденные нами в американской художественной литературе.

Методом исследования в нашей работе послужил сплошной сопоставительный лексико-семантический анализ всей выборки американского общего сленга в соотношении с нейтральной общелитературной лексикой.

Исследование выявило четыре основных направления образования сленгизмов относительно стилистической принадлежности слов, от основ которых образованы эти сленгизмы:

1. Образование сленгизмов путем прибавления суффиксов к нейтральным литературным словам, например *biggie* — «важная персона, шишка, начальник, руководитель»: *He won't tell the network biggies what he wants to do...* (F. Knebell and Ch. Bailey, *Seven Days in May*, p. 182).

2. Образование сленгизмов путем прибавления суффиксов к словам разговорной лексики, например *buddyroo* *n.* — «дружище»: *... when they were little kids. Old buddyroos* (J. D. Salinger. *The Catcher in the Rye*, p. 116).

3. Образование сленгизмов путем прибавления суффиксов к словам сленга, например *pipperoo* *n.* — «замечательный (великолепный) человек или превосходная вещь; красотка, первый сорт»: *You saw the woman he left with? Absotively. She was a pipperoo* (Ross Macdonald, *The Ivory Grin*, Bantam Books, N.-Y., 1971). Сленгизм *pip* означает «что-либо замечательное; первый сорт».

4. Образование сленгизмов путем прибавления суффиксов к именам собственным, например *Nooverize* *v.* — «экономить» (этот сленгизм возник как ирония на невыполненные обещания президента США Гувера: *«...prosperity round the corner and a chicken in every pot», а пока американцам предлагалось «подтянуть ремень потуже»*).

Среди сленгизмов, образованных путем суффиксации независимо от стилистической принадлежности слов, наиболее часто встречаются и являются наиболее продуктивными следующие суффиксы:

1. Суффикс *-ег*. С его помощью от глагольных основ образуются существительные, обозначающие лицо, деятеля по профессии или занятию, например *boozег* — «пьяница» (от глагола *to booz* — «выпивать, закладывать»).

Суффикс *-ег* образует от глагольных основ существительное, обозначающее предмет, вещь, название части тела и т. п., например *kisser* *n.* — 1) «рот; 2) челюсть; лицо» (от глагола *to kiss* — «целовать»).

Этот суффикс встречается и у существительных, образованных от основ существительных со значением предмета, отраженного в основе этих существительных, например *garpeg* *n.* — «преступление, за которое наказывают невинного» (от сленгизма *гар* *n.* — «наказание; приговор; срок»). Суффикс *-ег* встречается у существительных, образованных от основ существительных со значением лица, деятеля по его профессии или занятию, например *ragger* *n.* — «любитель джазовой музыки» (от сленгизма *rag* или *ragtime* — «синкопированный танцевальный ритм»).

Наконец, этот суффикс встречается и у существительных, образованных от основы прилагательного со значением, присущим этой основе, например *goneг* *n.* — «конченный или разоренный человек» (от *gone* *adj.* — «пропавший, потерянный»).

2. Суффикс *-у*. Этот суффикс часто образует прилагательные от основ существительных со значением «имеющий качества того, что обозначено основой», например *kissy* *adj.* — «ласковый» (образован от суще

ствительного kiss — «легкое, ласковое прикосновение ветерка, волн» и т. п.), например «... radioactive kissy stars» ... said the sweating poet (Jason Ridgway, Adam's Fall, p. 45).

Суффикс -у образует также существительные от основ прилагательных со значением «имеющий качества того, что обозначает основа», например *righty n.* — «человек, пользующийся правой рукой» (от *right* — «правый»; *lefty n.* — «человек, пользующийся левой рукой, левша» (от *left* — «левый»).

Суффикс -у образует также существительное с эмоциональными значениями уменьшительности и ласкательности, например *bossy n.* — «корова» (от *boss*, диал. — *корова, телка*).

В этой группе сленгизмов встречаются и прилагательные с суффиксом -у, образованные от союза, например *iffy adj.* — «сомнительный, неопределенный» (от союза *if*): *I think your question is one of those "iffy" ones, really* (F. Knebell and Ch. Bailey, *Seven Days in May*, p. 73).

3. Суффикс -ie встречается в именах существительных с уменьшительным значением, часто придавая им ласкательный оттенок или оттенок фамильярности, вносит эмоциональную окраску, например *hackie n.* — «водитель такси, таксист» (от *hack* — «наемный экипаж»): ... *who would slip a head waiter twenty bucks and tip a hackie a dime* (R. Stout, *if Death Ever Slept*, p. 18).

4. Суффикс -ее. Этот суффикс образует имена существительные, обозначающие лицо, на которое обращено действие, выраженное обыкновенно глагольной основой, например *firee n.* — «уволненный с работы» (от глагола *to fire v.* — «увольнять, выгонять с работы»).

С этим суффиксом также образуются имена существительные, обозначающие лицо по характерной для него черте или действию, выраженному именной основой, например *draftee n.* — «призывник» (от *draft* — «отбор» или *draft n.*, воен. — «набор, призыв, вербовка»): ... *a prospective unhappy draftee was ordered by the medical officer* ... (Г. А. Судзиловский, *Humor in Uniform*, p. 7).

Все эти суффиксы служат средством словопроизводства как в общем сленге, так и в нейтральной лексике.

Выявляются также суффиксы, встречающиеся только в сленгизмах или преимущественно у слов этой категории.

1. Суффикс -о. Он чаще всего придает словам разговорную, фамильярную или ироническую окраску, например *simpatico adj.* — «симпатичный; чуткий, отзывчивый»: ... *maybe a woman couldn't hide that from another man who was ... call it simpatico* (W. Faulkner, *The Mansion*, p. 325).

2. Суффикс -ster чаще всего встречается в именах существительных, обозначающих деятеля и придает слову пренебрежительную окраску или иронический оттенок, например *prankster n.* — «шутник, проказник»: *The first told of a prankster in Rumania. This fellow had done nothing more than stand in the road and gaze fascinatedly at the sky, occasionally crying, «Blue flames!»* (E. F. Russel, *Wasp*, p. 2).

3. Суффикс -егоо заимствован из испанского (искаженное -его) и, как правило, не имеет никакой смысловой нагрузки, а играет лишь

стилистическую роль, придавая словам фамильярную или ироническую окраску, например *stinkeroo* — «противный человек; *jackeroo* — «ковбой».

4. Суффикс *-ago* также играет лишь стилистическую роль, придавая словам сленговую, фамильярную или ироническую окраску, например *bossago* — «хозяин»; *Jarago* — «японец».

5. Суффикс *-nik* относится к заимствованным из русского языка. Встречается в существительных, обозначающих человека, характеризующегося определенными чертами характера или представителя определенной группы людей. Часто придает слову иронический оттенок, например *rudnik* — «неприятный, надоедливый человек»: *beatnik* *n.* — «битник; член группы молодежи, выступающий против устоявшегося образа мышления, взглядов и т. п.».

Слова с суффиксом *-nik* соотносятся со словообразовательными вариантами существительных на *-er* (ср. *po-goodnik* или *po-goooder* — «никчемный человек» и *do-goodnik* или *do-goooder* — «наивный человек, стремящийся облагодетельствовать человечество»).

6. Суффикс *-sky* чаще всего встречается у существительных, обозначающих деятеля. Он заимствован из языков Центральной Европы или идиш, например *buttinsky* — «навязчивый, назойливый человек»: *I tried to read the parer, but Hazel, smoking, kept interrupting me with her condemnations of the «buttinskies»...* (Louis Adamic, *Girl on the Road*, p. 495). Сленгизм *buttinsky* образован от словосочетания *butt in* — «мешать; вмешиваться» и суффикса *-sky*.

В отдельную группу мы выделили слова типа *gab-fest*, *n.* — «встреча с целью побеседовать», где второй элемент этих слов никогда не выступает в английском языке в качестве самостоятельного слова, всегда находится в положении после производящей основы и является элементом структуры этих слов. Значение, присущее каждому из таких элементов, абстрагируется от значений производных, созданных с его помощью, например *smoke-fest* — «неофициальная встреча с целью покурить и побеседовать»; *gab-fest* — «встреча с целью побеседовать, обменяться новостями»; *slug-fest* — «напряженный поединок боксеров».

Форманту *-fest* свойственна словообразовательная функция: с его помощью образуются новые слова, причем производящей (смысловой) основой могут быть как слова нейтральной общелитературной лексики (*smoke*), так и сленгизмы *chip v.* — «болтать, трепаться»; *slug v.* — «избивать, бить, колотить».

Формант *-fest* выполняет грамматическую и семантическую (классифицирующую) функцию; все слова с этим формантом принадлежат к лексико-грамматическому разряду имени существительного, а внутри этого разряда — к определенным семантическим классам. Образование с формантом *-fest* относится к существительным, обозначающим определенный вид деятельности (часто чрезмерно интенсивной или неумеренной).

Сленговый формант *-fest* заимствован из немецкого языка (от немецкого существительного *Fest* — «праздник»).

Учитывая перечисленные свойства форманта *-fest*, считаем правильным отнести его к «суффиксам конкретной семантики» [15, с. 12].

В заключение отметим, что, хотя в группе сленгизмов, не имеющих аналогов в нейтральной литературной лексике, принципиальных отличий в моделях словообразования, по сравнению с литературной лексикой, обнаружить не удалось, тем не менее эта группа сленгизмов обладает некоторой спецификой. Специфика образования сленгизмов с помощью суффиксов заключается в следующем: 1) использование типичных сленговых суффиксов, не представленных в литературном языке (-о, -агоо, -егоо, -ску и др.), 2) использование характерных для этой группы суффиксов конкретной семантики (типа -fest), 3) образование сленгизмов путем неожиданных (необычных) комбинаций производящей основы и словообразовательного аффикса, дающих новое семантическое целое с яркой эмоционально-экспрессивной окраской.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ильиш Б. А. Проблемы «американского языка». — «Научный бюллетень Ленингр. ун-та», 1946, № 8, с. 6—11.
2. Швейцер А. Д. Очерк современного английского языка в США. М., «Высшая школа», 1963.
3. Маковский М. М. Взаимоотношение ареальных вариантов «слэнга» и их соотношение с языковым «стандартом». — «Вопросы языкознания», 1963, № 5, с. 21—30.
4. Соловьева Т. А. К вопросу об образовании слэнгизмов на базе английского литературного словаря. — «Учен. зап. Иван. пед. ин-та», 1966, т. 50.
5. Хомяков В. А. Три лекции о слэнге. Вологда. Изд-во Вологод. пед. ин-та, 1970. 64 с.
6. Миллер А. А. Стилистически сниженная лексика и ее отражение в двуязычных словарях. Автореф. на соиск. учен. степени канд. филол. наук. Алма-Ата, 1972. 20 с.
7. Медникова Э. М. Проблемы и методы исследования словарного состава (на материале современного английского языка). Автореф. на соиск. учен. степени докт. филол. наук. М., 1972. 50 с.
8. Pyles Th. Words and Ways of American English. N.-Y., 1952.
9. Сгэпп С. Ph. The English Language in America, 1—11. N.-Y., 1960.
10. Мелкен Н. L. The American Language. N.-Y., 1936.
11. The Pocket Dictionary of American Slang by H. Wentworth and S. B. Flexner. N.-Y., 1969.
12. A Dictionary of American Slang by M. H. Weseen. USA, 1934.
13. Funk and Wagnalls New Standard Dictionary of the English Language. N.-Y., 1957.
14. Webster's New Twentieth Century Dictionary. N.-Y., 1966.
15. Бельская М. А. Возникновение и функционирование в англ. языке словообразовательных элементов -апа, -scape, -teria, -гана, -burger. Автореф. на соиск. учен. степени канд. филол. наук. Л., 1969. 12 с.

В. И. ОДИНОВА

ЭЛЛИПСИС КАК ОДНА ИЗ МАНИФЕСТАЦИЙ ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОГО ВАРЬИРОВАНИЯ СЛОВА

(По материалам современных французских писателей-прозаиков)

Проблема лексико-семантического варьирования слова (ЛСВ) представляет чрезвычайно большой интерес, но до настоящего времени мало изучена и требует дальнейшего исследования.

Как известно, словарь любого живого языка развивается как количественно, так и качественно. Примером качественного обогащения словаря является переход слов из одной части речи в другую (одной лексико-грамматической категории в другую), что в лингвистике именуется как «транспозиция», «несобственная деривация», «конверсия». К явлениям такого типа относится эллипсис.

Задача данной статьи заключается в конкретизации опыта по изучению эллипсиса с целью дальнейшего исследования проблемы ЛСВ слова.

В качестве иллюстративного материала были использованы произведения современных французских писателей-прозаиков.

До настоящего времени нет достаточно четкого определения понятия эллипсиса. Так, С. Ульман считает, что эллипсис восходит к двучленному словосочетанию, но при этом не уточняет его характер: «L'un des deux membres s'efface en léguaant sa signification à son voisin» [10]. Д. Э. Розенталь рассматривает эллипсис как стилистическую фигуру, заключающуюся в пропуске какого-либо члена предложения [4]. Освещая проблему эллипсиса в одном из своих исследований, Г. Г. Соколова отмечает следующее: «Под эллипсисом мы понимаем вид субстантивированных прилагательных, возникших из сочетания одного, строго определенного для каждого конкретного случая существительного и прилагательного». И далее: «Отличительной чертой эллипсиса является то, что эллиптическая конструкция относится к классу прилагательных и существительных... Эллипсис восходит к словосочетанию существительного и прилагательного» [5, с. 47]. Таким образом, автор ограничивает понятие эллипсиса в рамках субстантивированного прилагательного, восходящего к конструкции структурной моделью которой является: $N + A \rightarrow E(A')$, где N — существительное, A — прилагательное, E — эллипсис, A' — субстантивированное прилагательное, ставшее эллипсисом. Однако исследуемый материал показал, что данное утверждение является спорным.

Рассмотрим наиболее характерный случай манифестации эллипсиса, представляющий собой приводимую выше модель.

1. S'il les avait vus avec ses yeux de vingt ans, ces millions d'esclaves enfermés derrière des barbelés, il n'aurait pas envisagé une seconde de se taire (Beauvoir, Simone (de). Les Mandarins. Gallimard, 1954, v. II, с. 136).

2. S'il y a des limites il faudra des barbelés, les gens sont trop bêtes pour voir les limites si tu ne leur mets pas des barbelés (Duras, Marguerite. Dix heures et demie du soir en été. Roman, Gallimard, 1960, с. 47).

В данных примерах субстантивированное прилагательное *barbelé* является семантическим эквивалентом словосочетания *fil de fer barbelé*, где первая часть опущена, а вторая — выполняет семантические и грамматические функции опущенного существительного. При этом семантическое наполнение *barbelé* включает в себя совокупность признаков предметности, присущих существительному *fil de fer*, и качественности, свойственных исходному прилагательному *barbelé*. То есть произошла «семантическая конденсация», новый ЛСВ *barbelé* вобрал в себя значения эллиптируемых членов.

Аналогичное явление наблюдается в следующих примерах:

1. Dubreuilh tapotait son **buvard** d'un air impatient (Beauvoir, Simone (de). Les Mandarins. Gallimard., 1954, v. II, c. 143).

2. Le costume lui allait admirablement, elle était belle avec son **melon** (Triolet, Elsa. Ecoutez — voir. Roman. Gallimard, 1968, c. 142).

3. ... Je t'achèterai des **illustrés**, je t'achèterai tout ce que tu voudras! dis — je avec l'énergie du désespoir (Beauvoir, Simone (de). Les Mandarins. Gallimard, 1954, v. II, c. 280).

4. Je fus confondue de honte quand je lus dans un **illustré**... (Beauvoir, Simone (de). La force des choses, tome I, Editions Gallimard, 1963, c. 45).

5. Le **couchant** est au bout de l'avenue principale de la ville (Duras, Marguerite. Dix heures et demie du soir en été. Roman, Gallimard, 1960, c. 13).

6. On revenait avec le **couchant**, pour aller traîner dans les deux boîtes de nuit (Gary, Romain. La promesse de l'aube. Gallimard, 1960, c. 338).

(Эллипсисам **buvard**, **melon**, **illustré**, **couchant** соответствуют: **papier buvard**, **chapeau melon**, **revue illustrée**, **soleil couchant**).

Случается, что одно и то же эллиптированное слово в разных контекстах способно обозначать различные предметы и явления действительности, между которыми имеется определенное семантическое сходство.

1. En désespoir de cause, j'essayai un des **policiers** de Renaud: je comprenais enfin leur usage (Rocheffort, Christiane. Le repos du guerrier. Grasset, 1958, c. 89).

2. ... J'écirais un **policier** à succès dont on ferait un film à succès (Rocheffort, Christiane. Le repos du guerrier. Grasset, 1958, c. 67).

3. Il nous arrive de sortir; au cinéma Renaud ne veut voir que des **policiers** et des westerns, et surtout pas des films psychologiques (Rocheffort, Christiane. Le repos du guerrier. Grasset, 1958, c. 79).

В первых трех примерах эллипсису **policier** соответствует словосочетание **roman policier**, в последнем примере — **film policier**, что является из контекста. Здесь вполне правомерно говорить о явлении полисемии, о появлении у одного и того же эллиптируемого слова ЛСВ-ов, которые обозначают предметы и явления действительности, семантически сходные между собой. То есть эти предметы и явления, будучи по характеру разными, имеют одинаковую качественность.

Или:

1. A gauche de l'horloge, une inscription s'étale en **capitales** rouges de cinquante centimètres de haut: N'encombrez pas la sortie (Jarlot, Gérard. Un chat qui aboie. Roman, Ed. Gallimard, 1963, c. 215).

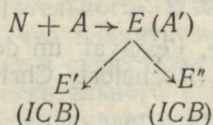
2. ... L'affiche jaune encadrée de noir ... sur laquelle de grandes **capitales** maladroitement peintes à l'encre annonçaient un incendie (Butor, Michel. L'emploi du temps. Editions de Minuit, 1953, c. 57).

3. ... Ces mots écrits à l'encre en grandes **capitales** maladroites (Butor, Michel. L'emploi du temps. Editions de Minuit, 1953, c. 78).

4. D'un côté en grandes capitales allongées «Plaisance Gardens, puis en caractères plus petits (Butor, Michel. L'emploi du temps. Editions de Minuit, 1953, с. 207).

5. Heureusement que Michel trouvait drôle d'être traité comme un capital, sinon il aurait mis Gaston à la porte, tout simplement (Triolet, Elsa. Le cheval blanc. Roman, Editions Denoël, 1943, с. 431).

В первых четырёх фразах capitale соответствует lettre capitale, что зафиксировано словарем, а в последней фразе — словосочетание homme capital, не отраженное в словарях, является в настоящее время окказионализмом. Между этими двумя эллипсисами существует семантическая общность: они включают в свою семантику общее понятие: «заглавный, главный». В то же время в зависимости от категории одушевленности и неодушевленности опущенного первого компонента в исходном словосочетании, а именно lettre (f), homme (m), семантика первого эллипсиса включает в себя понятие конкретности, а второго — абстрактности. «Потенциальные возможности развития у языковой единицы новых значений заложены в ней в силу способности этой единицы обозначать (вследствие ее обобщающего характера) различные явления» [5, с. 56]. И действительно, как стало очевидно из примеров, у эллипсисов policier и capital-(e) расширился круг обозначаемых предметов и явлений. Уже у самих эллиптируемых единиц появились свои ЛСВ, новые «смысловые побеги» (см. схему):

Для выделения отдельных ЛСВ полисемантического эллипсиса первоочередная роль отводится контексту. На важность этого фактора для исследования эллипсиса указывали многие лингвисты [1].

Исходя из дихотомии язык-речь и опираясь на данные словарей, можно заключить, что эллипсис в своем развитии проходит три основных стадии: возникая как факт речи, он при последующей частотности употребления и общественной потребности может закрепиться в словаре и стать, таким образом, фактом языка. Эллипсис capital со значением «лицо, старшее по чину», еще не зафиксирован словарями, что свидетельствует о его недавнем появлении; он пока находится в области речевой коммуникации. Другие же — barbelé, buvard, melon, couchant, policier приводятся в словаре в составе исходного словосочетания. Они находятся как бы на промежуточной стадии своего продвижения в область языковых явлений.

Например:

1. — Pourquoi ne m'as-tu jamais montré ton manuscrit? dit Paul.

— Je t'ai dit cent fois que mes brouillons étaient informes (Beauvoir, Simone (de). Les Mandarins. Gallimard, 1954, v. I, с. 409).

2. Ils croisèrent des gens qui rentraient des pliants à la main (Duras, Marguerite. Moderato cantabile. Editions de Minuit, 1958, с. 50).

3. Simone avait connu la locataire du troisième, pendant une alerte, dans la cave: assises sur des **pliants**, elles avaient eu une conversation politique fort intéressante (Triolet, Elsa. Le cheval blanc. Roman, Editions Denoël, 1943, c. 49).

4. Je sors sur une **nationale**, elle est vide, c'est l'heure du dîner, je roule follement (Curtis, Jean—Louis. Les forêts de la nuit. Paris, 1947, c. 276).

5. J'assistai à la **générale** des Frères Karamazov (Beauvoir, Simone (de). La force des choses. Tome I. Editions Gallimard, 1963, c. 80).

6. ... Les messes de bout de l'an, les boîtes de nuit, les **générales**, finalement ne sont plus que décor, décombres, défets (Aragon, Louis. Blanche ou l'oubli, Roman, Gallimard, 1967, c. 60).

7. Trois jours avant la **générale**, j'ai assisté avec Robert à une répétition des **Survivants** (Beauvoir, Simone (de). Les Mandarins. Gallimard, 1954, v. II, c. 184).

8. Bientôt la «**générale**» de la Victime fut annoncée (Rochefort, Christiane. Le repos du guerrier. Grasset, 1958, c. 77).

9. Lambert seramena d'Allemagne huit jours avant la **générale** (Beauvoir, Simone (de). Les Mandarins. Gallimard, 1954, v. II, c. 113).

10. — Ecoute, — laisse-moi huit jours. En ce moment je suis trop bousculé, mais j'irai lui parler tout de suite après la **générale** (Beauvoir, Simone (de). Les Mandarins. Gallimard, 1954, v. II, c. 113).

11. A flâner là, si tôt dans le matin, n'entre la bouche de métro et le **meublé** (Susini, Marie. C'était cela notre amour. Ed. du Seuil, 1970, c. 145).

12. Comme les bonnes sœurs n'avaient qu'un seul désir, quitter Paris au plus tôt, elles me confièrent à la logeuse qui tenait un **meublé** près du couvent (Susini, Marie. C'était cela notre amour. Ed. du Seuil, 1970, c. 71).

13. On pouvait y voir le petit Michel sur la plage, ... et Inès avec sa coiffure très noire, sur un transatlantique (Triolet, Elsa. Le cheval blanc. Roman, Ed. Denoël, 1943, c. 432).

Цитируемые эллипсисы бrouillon, pliant, nationale, générale, meuble, transatlantique зафиксированы в словаре без исходного словосочетания, став, таким образом, фактами языка.

До сих пор были рассмотрены случаи, где эллиптическим образованием являлось субстантивированное прилагательное. Однако как показал исследуемый материал, эллиптироваться способны и другие единицы языка.

1. Il promettait de toucher l'**opinion** par une campagne de presse (Beauvoir, Simone (de). Les Mandarins. Gallimard, 1954, v. I, c. 145).

2. La question des camps de travail en particulier va bousculer l'**opinion** (Beauvoir, Simone (de). Les Mandarins. Gallimard, 1954, v. I, c. 491).

3. Nous pourrions publier tout de suite les extraits du code et ça suffirait déjà à soulever l'**opinion** (Beauvoir, Simone (de). Les Mandarins. Gallimard, 1954, v. I, c. 497).

4. C'est vous qui l'avez formée et qui lui avez enseigné la beauté des lignes simples, de l'ordre... Et surtout c'est vous qui lui avez donné

les moyens de mener ce **train** (Maurois, André. Une carrière et autres nouvelles. Ed. «Progrès», M., 1965, c. 90).

5. Un avril tout bleu régnait sur la **Côte** (Triolet, Elsa. Le cheval blanc. Roman, Ed. Denoël, 1943, c. 449).

Исходными конструкциями выделенных эллипсисов являются *opinion publique*, *train de vie*, *Côte d'Azur*, которые представляют собой устойчивые двучленные словосочетания; их первая часть, существительные, эллиптировалась (перешла в эллипсис). Это можно представить такой моделью: $N + A - (N)$ или $N + A ((de + N) - E(N'))$.

В двучленной генетивной конструкции второе существительное с предшествующим ему предлогом *de* передает понятие (значение) адекватности, следовательно, модель $N + A - E(N')$ релевантна для всех трех примеров. В семантическом плане происходит то же явление, как и в случаях, где эллипсис — субстантивированное прилагательное, т. е. и здесь одно слово (им является существительное) вбирает в себя смысловой объем всего устойчивого словосочетания. В плане лексическом рассматриваемые эллипсисы способны обозначать как конкретные, так и абстрактные понятия.

Как уже отмечалось, эллипсис исходил из свободного и даже фиксированного двучленного словосочетания и представлял собой соответственно субстантивированное прилагательное и существительное. Собранный фактический материал свидетельствует о том, что эллиптироваться способны даже целые предложения, в частности, придаточные определительные предложения.

1. Je réglais tout en vingt — quatre heures et reprendrais demain le **dix-huit heures vingt-sept**, très pratique, dui m'amenait à Paris à vingt et une heure deux (Rochefort, Christiane. Le repos du guerrier. Grasset, 1958, c. 8).

2. Nous avons manqué le **dix-huit heures vingt-sept** (Rochefort, Christiane. Le repos du guerrier. Grasset, 1958, c. 41).

3. — Vous prenez évidemment le **17h57**, madame, dit — il surgissant brusquement au côté de la voyageuse stupéfaite (Bernanos, Georges. Un mauvais rêve, Roman, Plon, 1951, c. 184).

4. Elle avait l'air sinistre, elle conduisait sa **quatrechevaux** à toute vitesse, les dents serrées (Sagan, Françoise. Aimez-vous Brahms. Ed. René Julliard, 1959, c. 46).

5. Elle tenta de reprendre la même occupation quelques années plus tard, peu après notre arrivée à Nice en 1928, dans le **deux-pièces** de l'avenue Shakespeare (Gapy, Romain. La promesse de l'aube. Gallimard, 1960, c. 26).

В первых трех примерах эллипсисы обозначают одинаковые понятия. В конструктивном плане они являются сложным субстантивированным образованием. В семантическом плане они очень объемны и включают в себя: понятие предметности — *train*; действия — *train qui part*; времени, которое в качестве основного момента всего эллиптированного определительного предложения представлено эллипсисом — *dix-huit heures vingt-sept*.

В последующих двух фразах эллипсис *quatre-chevaux* исходит из предложения — *la voiture dont le moteur à la puissance de quatre che-*

ваux и эллипсис — deux-pièces соответственно — l'appartement qui se compose de deux pièces.

Этот факт отмечает в своем исследовании В. Рункевич: «Parfois même une partie entière de la phrase, la plus souvent une phrase relative, est supprimée» [9, с. 49].

Рассмотрев разнообразные способы образования эллипсисов, необходимо добавить, что в конструктивном плане они являются: простым словом, представляющим собой субстантивированное прилагательное либо существительное (*barbelé, buvard, pliant, melon, illustré, train, Côte*); сложным словом, компонентами которого являются числительное и существительное (*quatre-chevaux, deux-pièces*) и сложной субстантивированной конструкцией (*le dix-huit heures vingt-sept; le dix-sept heures cinquante-sept*).

Чем же обусловлено появление эллипсиса? Винокур Т. Г. отмечает, что «принцип речевой экономии при соединении с особыми экспрессивными качествами разговорной речи стимулирует формирование способов эллиптического словоупотребления, находящихся в прямой зависимости от контекста и **конситуации** (термин, введенный М. В. Пановым [3, с.8]), факторов, вне которых возможность первичной реализации явления такого рода отсутствует... профессиональная речь создает исключительно благоприятную почву для возникновения большого количества и разнообразия эллиптических форм. Одни из них переходят границы профессиональной речи и попадают в общеразговорную функционально-стилевую сферу» [1, с. 37].

Например:

1. Elle avait l'air sinistre, elle conduisait sa **quatrechevaux** à tout vitesse... (Sagan, Françoise. Aimez — vous Brahms. Ed. René Julliard, 1959, с. 46).

2. J'ouvrais en grand la radio pour m'en faire un bouclier, un contre feu, mais tout ce qui en sortait était haché, bousculé, le ventre du poste plein de **parasites** aigus (Triolet, Elsa. Ecoutez — voir. Roman. Gallimard, 1968, с. 18).

3. Il s'allonge sur la banquette d'un **compartiment de première classe** (Jarlot, Gérard. Un chat qui aboie. Roman, Ed. Gallimard, 1963, с. 12).

Эллипсисам соответствуют: la voiture à quatre chevaux, sons parasites, compartiment de première classe.

Появление некоторых эллиптических единиц связано с их активным употреблением в определенный исторический период. Сохранив окказиональный характер, они впоследствии сохранили способность восстанавливаться из контекста.

1. Il fut une vedette de cinéma célèbre jusqu'à l'avènement du **parlant** (Gary, Romain. La promesse de l'aube. Gallimard, 1960, с. 76).

2. — Il a l'air de se débrouiller... Il fait du **noir**. Ce n'est pas un métier (Curtis, Jean — Louis. Les forêts de la nuit. Paris, 1947, с. 210).

Приведенные ниже примеры подтверждают мысль о том, что эллиптируемые единицы, будучи прикрепленными к частной ситуации, носят конситуационно-окказиональный характер:

1. Stop chauffeur. L'arrière a crevé. Il éclata même. La voiture, déportée, évite un platane. On changea la roue (Jarlot, Gérard. Un chat qui aboie. Roman, Ed. Gallimard, 1963, c. 111).

2. On frappe.

— Armand, c'est ta mère.

— Que veut — elle?

— Déjeuner. La demie sonna, mon enfant chéri (Jarlot, Gérard. Un chat qui aboie. Roman, Ed. Gallimard, 1963, c. 125).

В результате анализа практического материала мы пришли к следующим выводам.

В системе современного французского языка эллипсис чаще всего образуется путем транспозиции прилагательного в существительное и представляет собой, таким образом, субстантивированное прилагательное. Однако исследуемый материал показал, что эллипсисом может быть не только субстантивированное прилагательное, но и существительное, исходящее из фиксированного двучленного словосочетания, а также сложные субстантивированные конструкции, соответствующие целым предложениям.

В своем развитии эллипсис проходит три стадии: возникая как факт речи и имея вначале окказиональный характер, в последующем (при частотности употребления и общественной необходимости), пройдя промежуточную стадию, он может стать фактором языка.

Некоторые эллиптические единицы, подобно отдельному полнозначному полисемантическому слову, имеют сложную семантическую конструкцию и, выступая в речи в виде отдельных ЛСВ, способны обозначать предметы и явления действительности, между которыми имеется определенная семантическая общность. Этот факт убедительно свидетельствует о качественном обогащении лексики современного французского языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Винокур Т. Г. Об эллиптическом словоупотреблении в современной разговорной речи. — В кн.: Развитие лексики современного русского языка. М., Изд-во Моск. ун-та, 1965, с. 29—39.
2. Гак В. Г. Оглагольно-именной конверсии во французском языке. — Учен. зап. ин-та междунар. отношений, VII, М., 1961, с. 5—25.
3. Пайнов М. В. О развитии русского языка в современном обществе. (К постановке проблемы). — «Вопросы языкознания», 1962, № 3, с. 3—16.
4. Розенталь Д. Э. Практическая стилистика русского языка. М., «Высшая школа», 1968. 316 с.
5. Соколова Г. Г. Транспозиция прилагательных и существительных. М., «Высшая школа», 1973. 174 с.
6. Bally Ch. Linguistique générale et linguistique française. § 500—514, Berne, 1950.
7. Guiraud P. La sémantique. P., 1955.
8. Lombard A. Les constructions nominales dans le français moderne. Upsala-Stocholm, 1930.
9. Runkevitch W. Le changement de classe lexicale. Revue «Vie et langage», 1966, No. 168.
10. Ullmann S. Précis de sémantique française. P., 1959.

УТВЕРЖДЕНИЕ, ОГРАНИЧЕНИЕ И ОТРИЦАНИЕ В ЯЗЫКЕ И РЕЧИ

(На материале современного французского языка)

В коммуникации проявляется единство языка и речи, которые своим взаимодействием обеспечивают речевую деятельность [1, с. 47]. В механизме речевой деятельности язык и речь представлены как различные способы интерпретации одного и того же материального объекта [2, с. 44].

Язык реализуется в конкретном речевом действии и в общей речевой деятельности, поскольку он имеет статус потенциальной субъективной системы (для каждого члена коллектива) и потенциальной объективной системы (для членов всего коллектива).

Языки речь являются продуктом речевой деятельности говорящих. Причем язык рассматривается как организованная система знаков, закрепляющая в отношениях между единицами основные и наиболее характерные их особенности. Речь одновременно является процессом манифестации и результатом функционирования языка. Язык обуславливает новые употребления, однако не все из них становятся «фактами языка» и остаются достоянием речи, т. е. «фактами речи» [1, с. 49].

В современных психолингвистических теориях основное внимание уделяется механизмам речевой манифестации, внутренней организации коммуникативных актов, анализу их результатов и т. д.

Известный французский лингвист Г. Гийом взаимоотношение языка и речи в психолингвистическом аспекте представляет так:

язык — акты представления

речь — акты выражения [3, с. 218]. Г. Гийом считает, что представления — определенные психолингвистические реальности служат понятийной основой организации системы языка. Сами представления фиксируют однородные понятия в различных смысловых объемах, поэтому система отражает формирование полного образа того или иного понятия, которое является доминирующим. Выявление самой системы представляет результат многочисленных наблюдений и обобщений употребления речевых фактов. Основную задачу лингвистического исследования Г. Гийом видит в определении позиционных (системных) характеристик языковых элементов. По его мнению, следует изучать не многочисленные употребления, а инвариантность языковых единиц, предпосылки их речевого употребления [3, с. 205].

До настоящего времени, находясь под гипнозом фактов речи, многие исследователи описывают их и не «укладывают» в систему языка, определяющую различные и подчас внешне противоречивые употребления тех или иных единиц.

Согласно аналитико-синтезирующей методике (от фактов речи к системе) выявляются прежде всего инвариантные значения единиц, определяющих их позицию в структуре языка. Совокупность позиций создает в целом архитектуру системы языка. Вместе с тем взаимоотношение позиционных элементов подчиняется логике процесса пар-

тикуляризации и генерализации. Это — два взаимно противоположных и взаимно дополняющих процесса в мышлении, восприятии мира и в языке. Отношения генерализации и партикуляризации взаимно обратимы. Используя векторные обозначения, Г. Гийом представляет генерализацию (U) и партикуляризацию (S) таким образом:

$$U_1 \longrightarrow S_2 \longrightarrow U_2 \quad [3, \text{с. 44}].$$

Отношение $U - S - U$ является калификативным, поскольку возможны различные степени обобщения и партикуляризации значений. Партикуляризация и генерализация в речи может осуществляться описательно. В системе языка единицы представлены в определенном объеме значений, который, однако, нельзя сводить к тривиальной оппозиции «полный — пустой» и считать, что отрицание результирует «ноль» понятия: *manger — pas manger* [4, с. 145]. Отрицание является определенным понятием, имеющим в лексике и грамматике соответствующие формы выражения: *beaucoup-rien, je mange-je ne mange pas*. Отрицание обычно воспринимается на фоне имплицитного или эксплицитного утверждения. Соотношение этих двух полярных понятий в речи реализуется в различном объеме: *toujours — pas toujours*. Следовательно, подобно утверждению, отрицание может характеризоваться различной степенью обобщенности. В своем обобщенном значении утверждение и отрицание занимают позиции U_1, U_2 .

Рассматривая в данной статье систему языка с полярными генерализованными понятиями отрицания и утверждения, разграничим лексические и грамматические компоненты передачи этих понятий.

Известно, что лексический компонент значения формируется отношением знака к денотату (неязыковая действительность), а отношение знака к знаку формирует синтаксический компонент значения. Практически в плане содержания любой грамматической категории присутствуют лексические значения. Однако для целей языковой категоризации важно представить отдельно грамматические и лексические обобщенные значения. Для синтаксиса утверждения — это нулевое обозначение, для синтаксиса отрицания — грамматизованная форма *pe... pas*.

Центральным организующим компонентом системы утверждение — отрицание является значение ограничения, которое в синтаксисе выражается формой *pe... que*. Понятие ограничения отражает утверждение эксплицитного члена и отрицание других имплицитных членов [5, с. 193—196]. В этом случае значение утверждения суживается, ограничивается, уступая место отрицанию. Ограничение — это позиция, где отрицание и утверждение представлены в ограниченном объеме в результате партикуляризации их значений.

Следовательно, в системе между отрицанием и утверждением нет прямой зависимости. Она устанавливается, с одной стороны, между утверждением и ограничением, а с другой стороны, между ограничением и отрицанием. Позиционно ограничение разделяет поля утверждения и отрицания, а композиционно оно включает часть значения утверждения, часть — отрицания. Расширение одного из

компонентов ограничения за счет другого определяет возможность транспонирования ограничения в латеральные области.

Данное соотношение инвариантных системных значений представлено изомерно на лексическом уровне:

Oui — Seulement — Non.

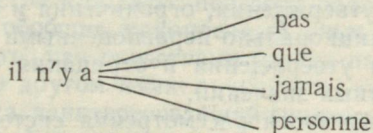
На уровне синтаксиса в качестве материальной основы для представления утверждения, ограничения и отрицания целесообразно использовать оборот *il y a* — грамматизованную форму с общим глагольным значением. Компоненты данной формы сохраняют лишь формальную активность. Это позволяет перераспределять коммуникативно-функциональные роли членов сообщения и в ряде случаев использовать *il y a* целиком, как средство актуализации в высказывании (*il n'y a que...qui*): *il y a* — *il n'y a que* — *il n'y a pas*.

При реализации транспозиционных возможностей ограничения в его структуру включается иногда отрицание *pas*, которое приводит к усилению утверждения и нейтрализации отрицательного значения. Напротив, когда место *pas* занимает слово с определенным лексическим значением, *que* обычно вводит дополнительный член, исключенный из субстантивного, адъективного или адverbиального отрицания: *il n'y a rien... que*, *il n'y a jamais... que*, *il n'y a plus... que*.

Формы ограничения, включающие элемент двойного отрицания, осуществляют партикуляризацию и генерализацию значений в процессе транспонирования в поле утверждения и отрицания. Одним из показателей партикуляризации без транспозиции является форма *ne... quère*.

Данная форма располагается недалеко от ограничения в поле отрицания.

По своему формальному выражению маркированные категории отрицания и ограничения соотносятся с категорией утверждения. Маркированные категории между собой связаны не только в плане содержания, но и в плане выражения. Их значения реализуются аналитическими формами с компонентами в безударной и ударной позициях. Понятийная общность маркированных категорий выражается формантом *ne*, различие — вторыми формантами:

Вторые компоненты форм приглагольного отрицания могут дублироваться, образуя варианты конструкции *ne + два отрицательных слова*: *ne...plus jamais*, *ne...jamais...nulle part*, *ne... nul... rien*, *ne... personne...jamais etc.*

Между собой могут комбинироваться не более двух частично грамматизованных слов, исключая *pas* и *point*. Образование усложненных конструкций отрицания происходит в соответствии с общей тенден-

цией передачи приглагольного отрицания аналитическими формами. Это основное направление реализуется в соответствии с «требованиями» системы.

В узусе, особенно в его разговорной области, приглагольное отрицание распадается — употребляется лишь вторая часть конструкции. Это обусловлено безударностью *pe*, окситоническим ритмом французской фразы и закончившимся процессом *contagion* [6, с. 205], завершившим перераспределение отрицательного значения в аналитической конструкции [7, с. 32]. Эта инновация речи пока не принята системой, так как отсутствуют определенные структурные различия в использовании сложной и простой формы приглагольного отрицания. Однако узуальное употребление «подготавливает» изменение в языке [8, с. 72]. Принцип экономии реализуется пока на уровне речи в соответствии с общей тенденцией построения и развития французской фразы. Подобно сложным формам отрицания, ограничение может быть представлено в узусе одним *que*. В качестве одиночного отрицания используют слова *pop* и *pas*, а также другие компоненты второй части сложной формы *jamaïs, rien, personne* и др., которые, сохраняя значение определенных членов предложения, могут быть эквивалентами независимых предикативных единиц. Это — разновидности отрицания лексического уровня.

В узусе генерализованные формы двойного и одиночного отрицания (*pe...pas, pop, pas*) используются иногда не для выражения основного категориального назначения-номинации отрицательного результата или передачи отсутствия какого-либо одного признака или всего предмета в целом. В ряде случаев отрицательные формы передают лишь отношение говорящего к содержанию сообщения, не изменяя содержание номинации (предикативное отрицание в общих вопросах, эксплетивное отрицание, двойное отрицание и т. д.).

Полифункциональность моносемичного отрицания выявляется в вариантных значениях *effets de sens*.

Речевые варианты ограничительного значения функционально более специализированы, поскольку ограничение не участвует в номинации, его значение реализуется в коммуникативном аспекте предложения. Ср.: *Il y a une chose — Il n'y a qu'une chose*.

Результаты речевых употреблений свидетельствуют, что межкатегорияльные связи утверждения, ограничения и отрицания устанавливаются между функционально неравноценными значениями. Оппозитивные отношения утверждения и отрицания существуют только на уровне инвариантных значений.

Подводя некоторые итоги рассмотрения системы утверждение — ограничение — отрицание, отметим следующее.

Для рассмотренной системы характерна структурная симметрия, которая обеспечивается организационной ролью позиционного ограничения.

Основные изменения в формах отрицания и утверждения санкционированы системой, хотя некоторые из них не приняты системой.

Утверждение, ограничение и отрицание в системе занимают определенные позиции, которые обуславливают их возможные оппозиции

в речи, в частности, полярность утверждения и отрицания только в инвариантных значениях.

Значение ограничения, которое реализуется лишь в коммуникативном аспекте предложения, является «системным источником» конструкций аффертивного синтаксиса, которые, однако, не всегда включают в свой состав *pe... que; c'est ...qui (que), il n'y a que... qui*.

ЛИТЕРАТУРА

1. С к р е л и н а Л. М. Некоторые вопросы развития языка (проблемы и методы диахронического исследования). Минск, Изд-во Белорус. ун-та, 1973. 143 с.
2. Основы теории речевой деятельности. М., «Высшая школа», 1974. 367 с.
3. G u i l l a u m e G. Langage et science du langage. Paris — Québec. Librairie A. G. Nizet. 1969. 272 p.
4. P o t t i e r B. Systématique des éléments de relation. Paris. 1962.
5. М и н к и н Л. М. Категория ограничения (на материале современного французского языка). Материалы конференции «Актуальные вопросы современного языкознания и лингвистическое наследие Е. П. Поливанова». Т. I. Самарканд. Изд-во Узб. ун-та, 1964. 285 с.
6. B r é a l M. Essais de sémantique. Paris, 1913.
7. Y v o n H. Les expressions négatives dans «Mon Faust» de Paul Valéry. — «Le français moderne», 1962, N. 1.
8. Ш и г а р е в с к а я Н. А. Пути развития отрицания во французском языке (к проблеме разговорного стиля речи). Координационное совещание по сравнительному и топологическому изучению романских языков. Тезисы докладов и сообщений. Л., Изд-во Ленингр. ун-та, 1964. 98 с.

Ж. Е. ПОТАПОВА

АНТОНИМИЧЕСКИЙ ПЕРЕВОД НЕМЕЦКИХ НАРЕЧИЙ НА РУССКИЙ ЯЗЫК

В последние годы появилось много работ, посвященных теории перевода [1—3]. Теория перевода — еще совсем молодая отрасль науки о языке, хотя переводческой деятельностью люди занимались с древних пор. В связи с возросшими масштабами переводческой деятельности, повышением требований к точности перевода, широкой подготовкой специалистов в области перевода появилась необходимость в науке, которая, обобщив накопленный опыт, должна определить и научно обосновать, как средствами одного языка можно передать то, что выражено в другом языке.

Процесс перевода, заинтересовавший лингвистов, литературоведов, психологов, этнографов, стал в настоящее время объектом всестороннего научного исследования. Между сторонниками лингвистической теории перевода и специалистами в области художественного перевода остро встал вопрос: является перевод наукой или искусством.

Л. Д. Швейцер, отвечая на вопрос, можно ли строить общую теорию перевода, исходя только из формально-структурных или художественно-эстетических критериев, считает, что, хотя соотношение между творческим и нетворческим началом меняется в зависимости

от жанра перевода, оба они, тесно переплетаясь, присутствуют во всех видах перевода [3].

Исследование переводов, их сопоставление показывает, что «в основе процесса перевода при всем его многообразии лежат какие-то общие закономерности, выявление которых и является задачей лингвистической теории перевода» [3, с. 9].

Одной из таких закономерностей является антонимический перевод.

Антонимический перевод относится к лексическим трансформациям, т. е. к приемам, с помощью которых раскрывается значение иноязычного слова в контексте и находится соответствие в другом языке, не совпадающее со словарным [2]. Сущность трансформации в семантическом отношении заключается «в замене переводимой лексической единицы словом или словосочетанием иной внутренней формы, актуализирующим ту слагаемую иностранного слова (ту сему), которая подлежит реализации в данном контексте» [2, с. 38].

Антонимический перевод определяют как замену какого-либо понятия, выраженного в подлиннике, противоположным понятием, выраженным в переводе с соответствующей перестройкой всего высказывания для сохранения неизменного плана содержания. Применение антонимического перевода на материале конкретных частей речи в литературе не рассматривалось. В связи с этим нам представляется интересным проследить, как используется этот прием при переводе такой части речи, как наречие.

Были отобраны случаи антонимического перевода наречий из произведений Ремарка в подлиннике и их переводов на русский язык. Под антонимическим переводом наречий мы понимали замену понятия, выраженного в подлиннике наречием, противоположным понятием в переводе, выраженным средствами переводимого языка. При этом соблюдался принцип одновременного введения (снятия) отрицания или противопоставления лиц (предметов), к которым относится характеризующее наречием действие.

Даже незначительный объем текстового материала (примерно 1 тыс. стр.) показал, что рассматриваемый прием используется широко и встречается при переводе почти всех структурно-семантических разрядов наречий.

Наиболее часто с помощью антонимической замены переводятся наречия самого многочисленного разряда — качественные наречия. «Es ist großartig, langsam von einem Schaufenster zum andern zu gehen, sich um nichts kümmern zu müssen und ein freier Mann zu sein» [5, S. 98]. — «Как чудесно не спеша переходить от витрины к витрине, ни о чем не думать и чувствовать себя независимым человеком» [8, с. 265].

Единичны случаи использования антонимической замены при переводе наречий из малочисленной группы обстоятельственных наречий причины, цели, следствия, уступки, условия. «... jeden Tag ist dein Futter da, sonst machst du Krach» [4, S. 70]. — «... каждый день тебе засыпают твой корм, а не то можешь устроить скандал...» [8, с. 60].

Антонимически могут переводиться наречия в любой степени сравнения. «Er redete Papier deutsch, er brauchte Zahlen, Beweise, es stimmte alles, was er sagte, aber trotzdem überzeugte er weniger, als der an-

dere, der überhaupt nichts bewies, sondern nur behauptete» [6, S. 371]. — «Он говорил суконным немецким языком, приводил цифры, доказательств; всё было правильно, и всё же не так убедительно, как у того, хотя тот вообще ничего не доказывал, а только утверждал» [12, с. 355].

«Im Erdgeschoß lagen die schweren Fälle und die frisch Operierten, die bettlägerig waren; sie konnten so am schnellsten bei einem Luftangriff in die Keller geschafft werden» [7, S. 258]. — «На первом были тяжело раненные и только что перенесшие операцию — отсюда их при воздушном налёте можно было без особого труда переправить в убежище» [13, с. 514].

Антонимический перевод предусматривает перестройку предложения. При переводе наречий это значит:

использование при антонимическом соответствии в переводе отрицания, если его не было в подлиннике («Er ... entfernte sich gemessen» [7, S. 164]. — «Он ... не спеша удалился» [13, с. 450]);

снятие отрицания, если оно в подлиннике было: «Komm mit zu meiner Bude. Ich wohne nicht weit von hier» [7, S. 123]. — «Пойдем в мою хибару — я живу тут совсем рядом» [13, с. 421];

противопоставление лиц (предметов), к которым относится характеризующее наречием действие: «Ich pfeife auf Steinbrenner. Er kann mir weniger tun als euch» [7, S. 24]. — «Плевал я на Штейнбрэннера. Вам он может больше напакостить, чем мне» [13, с. 354]. В этих случаях антонимическими соответствиями немецких наречий в переводе могут выступать, кроме наречий, деепричастия, глаголы, существительные, местоимения, устойчивые словосочетания. «...ihre Arme waren anders als seine, ihre Hände waren anders...» [7, S. 23]. — «... её плечи — это были не его плечи, её руки — не его руки...» [13, с. 495]. «Komm, iß mal, — aber langsam, langsam...» [6, S. 287]. — «На, поешь... только не спеши ... не спеши...» [12, с. 276]. «Wofür hältst du mich eigentlich? — fragt Willy jetzt ernstlich beleidigt...» [5, S. 88]. — «За кого ты, собственно, меня принимаешь, мама? — говорит Вилли, не на шутку обидевшись» [11, с. 257].

Рассмотрим некоторые случаи антонимического перевода наречий с точки зрения правомерности его применения.

«Graeber lag still» [7, S. 236]. — «Гребер лежал не шевелясь» [13, с. 499].

«Ich saß still da...» [6, S. 283]. — «Я сидел не шевелясь» [12, с. 272].

Два разных переводчика из двух разных произведений одинаково перевели слово still. Прямое соответствие¹ «тихо» неоднозначно. Его употребление внесло бы неясность в перевод (лежал Гребер неподвижно или молча). То же и во втором случае.

«Ich hätte es ihr gern anders gesagt. Mit mehr Vorbereitung und langsamer. Aber ich wußte nicht, wie ich es anfangen sollte» [6, S. 355]. — «Я охотно сообщил бы ей это иначе. Не сразу, с подготовкой. Но я не знал, с чего начать» [12, с. 340]. Langsamer — это «медленнее», но если оно сочетается с глаголами говорить, сообщать, то скорее всего

¹ Здесь и дальше — не антонимическое.

представляешь себе способ проговаривания слов, а здесь речь идет о том, что новость нужно сообщать именно не сразу, с подготовкой.

Следующий пример был бы мало понятен при использовании прямого соответствия: «Granaten treffen nicht leicht in denselben Trichter, deshalb will ich hinein» [3, S. 61]. Что значит «снаряды не легко попадают в одну и ту же воронку»? Очевидно, не случайно это место оказалось одинаково переведено разными переводчиками. Оба использовали антонимический перевод. «Снаряды редко попадают в одну и ту же воронку, поэтому я хочу перебраться туда» [8, с. 51]. — «Снаряды редко попадают в одну и ту же воронку, поэтому я устремился туда» [9, с. 56].

Погруженный в свои мысли, герой романа «Время жить и время умирать», Гребер отдал честь майору, одетому в штатское. Тот усмотрел в этом оскорбление. Извиняясь, Гребер произносит: «Es war gut gemeint» [7, S. 247]. Прямой перевод, возможно, был бы неуместен. Переводчик сделал так: «Я не хотел вас оскорбить» [10, с. 506].

Еще один пример, когда антонимический перевод объясняется желанием точнее передать то, что сказано в оригинале. «... er war schon ein paarmal schuld daran gewesen, daß wir im Graben das Essen viel zu spät und kalt bekommen hatten...» [3, S. 20]. — «...по его вине уже не раз обед попадал к нам в окопы остывшим, с большим опозданием...» [8, с. 8]. По-видимому, автор здесь не имел в виду то количество раз, когда обед был подан холодным. Ему важно было сказать, что это уже бывало не однажды, не раз. Поэтому вариант другого переводчика представляется нам неверным: «... так как он уже дважды был виновен в том, что мы получили обед в окопах с опозданием и холодным» [9, с. 10]. Ср. украинский перевод: «...він уже не раз був винен у тому, що ми одержували вшанцях їжу холодну та запізно...» [10, с. 4].

Все описанные выше случаи антонимического перевода вызваны необходимостью точно передать смысловое содержание подлинника. Антонимическая замена может быть также обусловлена требованиями норм русского языка.

«Gehen wir wirklich fort, Robby? — fragte sie dicht an meinem Gesicht» [6, S. 282]. — «Мы, правда, уходим, Робби? — спросила она, не отводя лица» [12, с. 271]. Спрашивать тесно к лицу по-русски нельзя. А вот снег, хоть и может лежать невysоко, но мы скорее скажем *мало снега*. Эти два выражения различаются частотой употребления: «Auf einer Anhöhe hinter dem Dorf, wo der Schnee nicht so hoch lag, schaufelte man ihn weg und hackte die gefrorene Erde auf» [7, S. 6]. — «На холме за деревней, где снегу было меньше, его расчистили и раздолбили промерзшую землю» [13, с. 342].

Антонимическая замена обуславливается также необходимостью адекватной передачи стилистических оттенков. «Machst gut, Ernst! Und immer Kopf hoch! Bis morgen» [7, S. 128]. — «Ну, желаю, Эрнст! Не падай духом! До завтра» [13, с. 425]. В данном случае Эрнста просто подбодрили, а не посоветовали гордо держать голову.

Иногда антонимическая замена представляет собой единственно допустимое соответствие: антонимический перевод. «Kosole hingegen wird durch das Wort Bildung ohne weiteres gereizt» [5, S. 8]. — «Козоле же при слове «образованность» сразу выходит из себя» [11, с. 204].

Таким образом, антонимическими соответствиями немецких наречий могут быть, кроме наречий, также и другие части речи и словосочетания.

Использование антонимической замены объясняется:

- а) необходимостью более точно передать смысл;
- б) различием в частоте употребления единиц в языке оригинала и переводящем языке;
- в) необходимостью соблюдения норм переводящего языка;
- г) различием в сочетаемости переводящей единицы и прямого соответствия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Комиссаров В. Н. Слово о переводе. М., «Междунар. отношения». 1973. 215 с.
2. Рецкер Я. И. Теория перевода и переводческая практика. М., «Междунар. отношения», 1974. 216 с.
3. Швейцер А. Д. Перевод и лингвистика. М., Воениздат, 1973. 280 с.
4. Erich Maria Remarque. Im Westen nicht Neues. M., Verlag für fremdsprachige Literatur, 1959. 221 S.
5. Erich Maria Remarque. Drei Kameraden. M., Verlag für fremdsprachige Literatur, 1960. 455 S.
6. Erich Maria Remarque. Der Weg zurück. Berlin, im Propyläen-Verlag, 1931. 405 S.
7. Erich Maria Remarque. Zeit zu leben und Zeit zu sterben. Berlin, Köln, 1954. 220 S.
8. Эрих Мария Ремарк. На западном фронте без перемен. М., Изд-во «Правда», 1959. 207 с.
9. Эрих Мария Ремарк. На западном фронте без перемен. Перевод с нем. Сергея Мятёжного и Петра Черевина. М.—Л., Изд-во «Земля и фабрика», 1929. 223 с.
10. Erich Maria Remarque. На західному фронті без змін. Пер. з нім. Ж. Бургардт. Изд-во Сяйво, 1929. 181 с.
11. Эрих Мария Ремарк. Возвращение. Перевод И. Горкиной. — В кн.: На западном фронте без перемен. Возвращение. Три товарища. Л., Лениздат, 1959. 868 с.
12. Эрих Мария Ремарк. Три товарища. Перевод с нем. И. Шрайберга и Л. Яковенко. Ашхабад, Туркм. гос. изд-во, 1960. 421 с.
13. Эрих Мария Ремарк. Время жить и время умирать. Перевод с нем. И. Каринцевой и В. Станкевич. — В кн.: Три товарища. Время жить и время умирать. Изд-во Саратов. ун-та, 1960. 614 с.

В. С. ПРОЦЕНКО

МЕСТОИМЕННЫЕ ФОРМЫ ИНСТРУМЕНТАЛИСА В ДРЕВНЕВЕРХНЕНЕМСКОМ ЯЗЫКЕ

Целью данной статьи является анализ местоименных форм инструменталиса в двн. письменных памятниках «Тациан» и «Отфрид». Специальные работы по вопросам двн. инструменталиса немногочисленны [1, 2]. Инструментальные формы двн. местоимений перечислены в глоссариях к письменным памятникам, при этом частично указываются их синтаксические функции или падежные значения [8, 9]. В истори-

ческих грамматиках вопрос об инструменталисе местоимений рассматривается в общих чертах, говорится о его реликтовом характере в двн. языке, и этих данных явно недостаточно для воссоздания более цельной картины двн. инструменталиса [5, 10]. Последнее наиболее полноценное исследование двн. инструменталиса проведено В. Эртом. Однако автор обходит местоименные формы инструменталиса в связи с их многочисленностью. Он останавливается лишь на отдельных случаях их употребления, причем местоименные формы инструменталиса перечисляются в работе вместе с адъективными формами [7].

В нашей статье анализ местоименных форм инструменталиса ведется на большом фактическом материале, что дает возможность прийти к определенным выводам.

В письменных памятниках в инструменталисе представлены местоимения различных типов. Рассмотрим несколько случаев их употребления.

Указательные местоимения:

1. Intfieng tho then kelih,... gab in sus quedenti: trinket *fon thisu* alle.
2. Inti *after thi*u sie quamun in stat thi dar ist giheizan Golgotha...
3. Irougta si thô sêraz muat, so uuif *in sulichu* ofto duat...

Тогда взял он чашу, подал ее, так говоря: пейте *отсюда все* (Т. 160, 2).

А *затем* они пошли в город, который называется Голгофой... (Т. 202, 2).

Увидела она тогда печальный вид, как часто бывает у женщин *в таком случае* (О. III 24, 49).

Вопросительные местоимения:

1. Friunt *zi hiu* quami?
2. Ziu stet ir allan tag unnuze?

Друг, *зачем* пришел? (Т. 183, 4). *Зачем* вы стоите бесполезно весь день? (Т. 109, 1).

Относительные местоимения:

1. ...inti intfieng sin giuuati, *mit diu* her abur gilineta...
2. Then sabon sie thâr funtun, *mit thi*u nan thie biuuuntun.

...и принял свою одежду, *в которой* обычно отдыхал... (Т. 156, 1). Тогда они нашли полотно, *которым* укутали его (О. V 5, 11).

Отрицательные местоимения:

1. ...bihiazun sih mit uuorton, thaz man nan gifiangi, *mit nio-uuhtu* er intfiangi.
2. Zi *niouuihtu* mag iz elihor...

...дерзко заявили, что схватили его, и *никаким* путем он не ушел (О. IV 16, 30).

Далее это может стать *ничем* (Т. 24, 3).

Как видим, в двн. письменных памятниках представлены как основные разряды местоимений (указательные, вопросительные), так и второстепенные (отрицательные) [3]. В инструменталисе представлены также относительные местоимения.

Мы не встретили в текстах формы инструменталиса личных, притяжательных, безличных, неопределенно-личных и возвратных местоимений. Отсутствие формы личного местоимения в инструменталисе в двн. текстах объясняется тем, что в тот период творительный падеж с одушевленными именами существительными или заменявшими их личными местоимениями 1-го и 2-го лица не употреблялся в орудном значении даже в славянских языках, хотя именно в этих языках творительный падеж в дальнейшем нашел наиболее широкое развитие [4]. Кроме того, эти местоимения выделяются в системе склонения местоимений в связи с большим количеством супплетивных форм. Отсутствие притяжательных местоимений в данных текстах связано, по-видимому, с особенностями именно этих текстов. Мы можем указать на употребление притяжательных местоимений в инструменталисе в двн. языке в других письменных памятниках, например в «Исидоре»:

... allu dinu muotu...

...всей твоей добродетелью...
(1. V 4. 33).

Неопределенно-личное местоимение является довольно поздним образованием, так что в двн. инструменталисе оно не могло репрезентироваться. По своей дистрибуции в предложении безличное местоимение связано с номинативом, а возвратное — с аккузативом, поэтому они не реализуются в инструменталисе. Таким образом, в двн. языке представлены все возможные формы местоимений в инструменталисе.

Теперь рассмотрим беспредложные формы местоимений в инструменталисе. Двн. указательное местоимение без предлога сочетается со сравнительной степенью наречий аналогично сочетаемости русского или украинского указательного местоимения в творительном падеже со сравнительной степенью наречий по типу «тем более», «тим більше», например:

1. Harto sageta er imo thaz, thaz
er mo borgeti *thiu baz*.

Он ему твердо сказал, чтобы
он *чем лучше* остерегался
(О. II 6, 5).

2. Ir ni giloubet thoh *thiu halt*,
thaz ist in ofto gizalt.

Ведь вы не верите *тем более*,
что вам часто рассказывали
(О. III 22, 19).

3. Ther fiant io sô hebîgêr,
then ih intriati *thiu mêt*...

Враг тем значительнее, *чем*
больше я боюсь... (О. IV 13, 47).

Предложные формы местоимений представлены в двн. памятниках очень широко. В двн. языке инструменталисом управляют следующие предлоги: after (D.), bi (D.), fon (D.), in (D., Akk.), innan (G., D.), nah (D.), mit (D., Akk.), zi (D.), untar (D., Akk.), uuidar (D., Akk.). Кроме инструменталиса эти предлоги управляли также и другими падежами (они указаны в скобках).

Ниже мы даем примеры двн. предлогов с инструменталисом:

1. After *thiu her vvuosc iro fuoz*-
zi...

Затем он помыл ее ноги...
(Т. 156, 1).

2. Inti uuntrotun, *bi hiu* her mit uuiþe sprach...
3. *Bithiu* uuas giheizan ther acar Acheldemah...
4. ...sint thriu iar *fon thiu* ih quementi suohhen uuahsmon...

5. Sehs dagon *fora ihu* quam er...

6. Sprah tho druhtin *innan thiu*...

7. *In thiu* ist uuar uuort...

8. ...mit *thiu* her gisah thie menigi, steig ufan berg.

9. So scenkent sie uns then guaton uuin *Uuidar thiu* ouh thanne.

10. *Untar diu* batun inan sina iungoron...

11. *Zi hiu* gisihis thu thie fesun in ougon thines bruoder?..

И удивились, *зачем* он говорил с женщиной... (Т. 87, 7).

Поэтому называли поле Ахельдемах... (Т. 193, 5).

...прошло три года с *того времени*, как я приходил искать плоды... (Т. 102, 2).

он пришел за шесть дней *до этого*... (О. IV 2,5).

Между тем господин говорил... (О. III 8, 29).

В этом слово истины... (Т. 87, 8).

...когда увидел толпу, поднялся на гору (Т. 22, 52).

Итак они наливают нам хорошего вина. *Вопреки этому* даже тогда (О. II 9, 17).

Между тем его ученики просили его... (Т. 87, 8).

Почему ты видишь соломинку в глазу у твоего брата?.. (Т. 39, 5).

Местоимения в инструменталисе используются в двн. текстах настолько широко, что их можно встретить по 2—3 в одном предложении, например:

1. «Nemet inan» quad er, «*ziu* bráhtut ir inan nan mir *bî thiu*?»

2. Thar duent se allaz *zi thiu*, ther liut se lobo thâr *bî thiu*.

3. Pharisei inti sume fon then scribis quemente ab Hierusolimis, inti *mittiu* sie gisahun sume fon sinen iungoron mit unsubren hantun, thar ist ni giuuasganen hantun, ezzan brot... quedente: *bi hiu* thine iungoron ubargangent lera altero? ni uuasgent iro henti, *mittiu* se brot essant?

4. Inti mit *thiu* her tho fasteta fiorzug tago inti fiorzug nahto, *after thiu* hungirita inan.

«Возьмите его», — сказал он, — «*для чего* привели вы его ко мне таким образом?» (О. 20, 31).

Они все это делают *для того*, чтобы за это их тогда хвалили люди (О. II 21, 11).

Фарисеи и некоторые из тех, кто шел с переписи из Иерусалима, увидели *между тем*, как некоторые из его учеников ели хлеб нечистыми руками, т. е. немывыми руками, и спросили: *почему* твои ученики не следуют учению старших? не моют руки *в то время*, как они едят хлеб? (Т. 84, 1).

И тогда он постился *в течение* 40 дней и 40 ночей, *после чего* почувствовал голод (Т. 15, 2).

В одном предложении можно видеть инструменталисе местоимений и имен существительных, т. е. снова же по 2—3 формы инструменталиса в одном предложении, например:

1. Er quad, ni mohti uuerdan, *mit koufu* sie biuuerban, mit mih-hilemo scazze, ther liut zi *thiu* gisizze.
2. *Mit fiuru* sie nan brantin *mit uuazaru* ouh irqaltin, odo ouh mit steinonne: *mit uuiu* segenôts *thu* thih thanne?

Он сказал, не может быть, чтобы их можно было нанять *подкупом*, большими деньгами, *для этого* и сидят люди (О. III 6, 21). Они жгли его *огнем*, пытали *водой* или камнями, *чем же ты* тогда доволен? (О. V 1, 12).

Местоименные формы инструменталиса разнообразны по своим синтаксическим функциям и падежным значениям.

Временные отношения выражают предшествование, последовательность, одновременность действия, например:

1. Sehs dagon *fora thi*u quam er zi Bethaniu...
2. *After thi*u gieng ther heilant in Galileam.
3. Sprah tho druhtin *innan thi*u.

Шесть дней *тому назад* пришел он в Бетанию... (О. IV 2, 5). *После этого* пошел спаситель в Галилею (Т. 101, 2). Итак, господин говорил *между тем...* (О. III 8, 29).

Цель выражается местоимениями с предлогом *zi*, например:

1. *Ziu* stet ir allan tag unnuze?
2. ...*zi thi*u quam ih hera in uoerolt in ioh uuard giboran ouh *zi thi*u, theih suslîh thultî untar iu.

Зачем стоите вы бесполезно весь день? (Т. 109, 1). ...*для этого* пришел я в мир и был рожден *для того*, чтобы среди вас я имел такую же долю (О. IV 21, 29).

Причинные отношения выражаются местоимениями в инструменталисе с предлогом *bi*, например:

1. *Bithiu* sprihhu ih in ratissun...
2. Ob ih uuar quidu, *bithiu* ni giloubet ir mir?

Я *потому* говорю загадками... (Т. 74, 5). Если я говорю правду, *почему* вы не верите мне? (Т. 131, 20).

Условие выражается местоимением в инструменталисе с предлогом *bi*, например:

1. *Bithiu* oba sie in grunemo boume thisiu tuont, uuas ist in themo thurren?

Если они такое делают на зеленых деревьях, то что же тогда на сухих? (Т. 201, 5).

Местоимение в инструменталисе имеет предикативное значение, например:

1. Uufs, uuanana lantes *thu sîs*, uuelichêra giburti, thaz *thu io zi thisu* uuurti.
2. Ioh so iz *zi thi*u uurdi, thaz ir mir leistîf huldi...

Скажи, из какой страны ты, какого происхождения, что ты теперь *стал таким* (О. IV 23, 31). И стало *так (тем)*, что вы окажете мне милость (О. VI 12, 9).

Относительное местоимение в инструменталисе вводит определительное предложение, например:

Ther sabon sie thâr funtun, *mit*
thiu nan thie biuuuntun...

Тогда они нашли льняное по-
лотно, *которым* обернули его
(О. V 5, 11).

Местоимение в инструменталисе имеет объектное значение, напри-
мер:

1. *In thiu* ist uuar uuort.
2. ..thaz marmorotun *fon thiu*
sina iungoron...

В этом слово истины (Т. 87, 8).
Об этом тихо переговаривались
его ученики (Т. 82, 11a).

Местоимение как обстоятельство образа действия, например:

«Nemet inan», quad er, «ziu
brâhtut ir inan nan mir *bî thiu?*»

Возьмите его, для чего привели
вы его ко мне *таким образом?*
(О. IV 20, 31).

Мы не будем останавливаться на падежных значениях местоимений в инструменталисе, об этом сказано в общих работах [5, 10]. Местоимения имеют большую способность к адвербиализации и к переходу в разряд служебных слов. В качестве союзов двн. местоимения с предлогом многозначны, они охватывают множество оттенков. При сравнении перевода «Тациана» с латинского языка на древневерхненемецкий можно видеть, что *bithiu* (*bidiu*), имея причинное значение, передает различные синонимичные латинские конструкции, например:

1. *Propter hoc* vocatus est ager
ille Acheldemach.

Bithiu uuas giheizan ther accar
Acheldemach...

2. *Ideo* dico vobis.

Bidiu quidu ih iu.

3. *quia* vero de mundo non estis...

propterea odit vos mundus, *bithiu*

uuantu ir fon uueralti ni birut...

bithiu hazzot iuuuih uueralt.

4. ..., *eo quod* audiret multa de
illo...

bithiu her gihorta managiu fon
imo...

Поэтому поле было названо
Ахельдемах... (Т. 193, 5).

Поэтому я спрашиваю вас
(Т. 38, 1).

...*потому что* вы не от мира,
поэтому ненавидит вас мир
(Т. 169, 3).

...*потому что* он слышал о нем
многое... (Т. 196, 4).

С другой стороны, одно слово, например, латинское *quia*, передается в двн. языке различно, например:

Vestri autem oculi beati *quia*
vident, et aures vestrae *quia* audi-
unt.

Iuueru ougun saligu *in thiu* siu
gisehent, enti iuueru orun *bithiu*
siu gihorent.

Ваши глаза счастливы *тем, что*
они видят, а ваши уши *потому,*
что они слышат (Т. 74, 7).

Как можно видеть по фактическому языковому материалу, двн. инструменталис нельзя отнести к редким остаточным явлениям. Инструменталис двн. местоимений — распространенное нормативное явление. Местоимения относятся к устойчивой группе слов, и двн. указательное местоимение сохраняет форму *diu* в средневерхненемецком языке (свн.) для номинатива единственного числа женского рода и для номинатива и аккузатива множественного числа среднего рода, а затем эти местоимения принимают форму *die*. Что же касается указательного местоимения среднего рода в инструменталисе единственного числа, то оно меняет свн. форму *diu* не на *die*, а на *dem*, т. е. здесь происходит не редукция, а определенная сознательная нормализация языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. В и л у т и с Ю. Развитие системы указательных местоимений в немецком языке. Автореф. на соиск. учен. степени канд. филол. наук. Вильнюс, 1969. 21 с.
2. К у р к и н а А. А. Сложное предложение с причинными отношениями в древневерхненемецком языке. Автореф. на соиск. учен. степени канд. филол. наук. Л., 1966. 19 с.
3. М а й т и н с к а я К. Я. Местоимения в языках различных систем. М., «Наука», 1969. 307 с.
4. С е д е л ь н и к о в Е. А. Функции непредикативных конструкций с творительным падежом в древнерусском литературном языке. Автореф. на соиск. учен. степени канд. филол. наук. М., 1953. 27 с.
5. D e l b r ü c k B. Synkretismus. Straßburg, 1907.
6. Der althochdeutsche Isidor. Straßburg, 1893.
7. E h r e t W. Der Instrumentalis im Althochdeutschen. Heidelberg, 1907.
8. O t f r i d s E v a n g e l i e n b u c h. Freiburg, 1887.
9. T a t i a n. Paderborn, 1872.
10. W i n k l e r H. Germanische Kasusyntax. Berlin, 1896.

Е. В. ТАРАСОВА

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ АНАЛИЗА РЕГИОНАЛЬНЫХ РАЗНОВИДНОСТЕЙ СОВРЕМЕННОГО АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

Сложность теоретических проблем, с которыми сталкивается современная лингвистика, способствовала широкому распространению типологического подхода к изучению языков. Лингвистическая типология открывает качественно новые возможности теоретического исследования языка. Она неразрывно связана с социолингвистикой, объектом которой является изучение современного национального языка как сложной структуры, представляющей собой совокупность частных систем (архисистему, по терминологии Э. Косериу).

В формировании любого национального языка обычно принимают участие территориальные и другие локальные разновидности, что является основой для возникновения вариативности.

«Структура языка в его пространственной проекции» [1, с. 17], а также соотношение между вариантами и диалектами литературного

языка исследованы еще недостаточно как в общезыковедческом плане, так и в конкретных языках.

«Было бы недialeктично и нематериалистично считать, что язык, обслуживающий одну нацию, одно общество, одну национальную культуру и цивилизацию, одну науку и литературу, может иметь ту же природу, что и язык, распределяющий эти функции между двумя нациями» [1, с. 19]. Тем не менее, изучение различных языковых подсистем представляет собой пока еще малоизученную область. А между тем, эта, как мы ее называем, «внутренняя типология» может дать очень многое для определения статуса того или иного подъязыка, выяснения взаимоотношений региональных разновидностей. Кроме того, как нам кажется, типологическое исследование ареальных микросистем определенного языка, анализ факторов, обуславливающих их сходство и различие, безусловно, имеют эвристическую ценность и представляют интерес как в теоретическом, так и в практическом отношении. Следует отметить, что, хотя за последние годы интерес к ареальным исследованиям заметно усилился, однако комплексное и детальное изучение проблемы во всей ее сложности — дело будущего.

Методика подобных исследований еще мало разработана. Однако по мнению большинства авторов, занимающихся этими вопросами, типология лингвистических явлений непременно предполагает применение сопоставительного метода.

Специфический характер типологического сопоставления требует применения определенных констант, устойчивых единиц, которые могли бы претендовать на общезыковую универсальную значимость. Одним из возможных путей изучения взаимоотношений между языковыми региональными разновидностями является выделение так называемых грамматико-лексических полей и определение их структуры и границ. Выбор грамматико-лексического поля (ГЛП) в качестве единицы сопоставительного анализа представляется удачным в силу ряда причин. Во-первых, применение полевой методики в языкознании ценно тем, что оно представляет собой попытку изучения системных связей языковых единиц, т. е. ставит задачу привести в определенную систему множество разнообразных средств, служащих для выражения одного общего понятия. Во-вторых, в идее поля получает развитие проблема взаимодействия языковых уровней [3, 4 и др.]. Идея ГЛП кажется нам плодотворной именно потому, что это понятие непременно предполагает включение в его состав иерархически неоднородных компонентов. В этом смысле применение ГЛП свидетельствует о расширении грамматического исследования за пределы «форм, определяемых парадигматическим набором» [2, с. 13].

В настоящее время вопрос о сущности ГЛП решается различными авторами по-разному; не существует также и единой общелингвистической концепции поля.

В изучение строения и состава ГЛ полей большой вклад внесли ученые [3 — 5 и др.], которые определили общие принципы построения такого поля и его наиболее существенные атрибуты: 1) наличие

общих инвариантных значений, 2) взаимодействие компонентов ГЛП между собой, 3) членение «центр-периферия», 4) разделение на микрополя и др. В данной интерпретации мы исходим из определения ГЛП как совокупности взаимосвязанных и взаимодействующих средств (грамматических, лексико-грамматических, лексических и в ряде случаев фонетических) с определенной количественной и качественной характеристикой, служащих для выражения определенного абстрактного понятия.

Нам кажется, что применение в современной лингвистике теории ГЛ полей представляет дополнительную возможность для более глубокого теоретического анализа почти всех существующих грамматических категорий, рассматриваемых в их взаимосвязи с другими явлениями языка. Мы согласны с утверждением В. Г. Адмони о том, что «подлинная структура грамматических категорий — это полевая структура» [3, с. 40]. С помощью основных принципов полевого подхода представляется возможным построить ГЛ поля вокруг большинства грамматических категорий и тщательно исследовать возможные типы связей между различными лингвистическими единицами. Применительно к английскому языку, например, можно говорить не только о категориях, но и о полях времени, модальности, вида, залога и т. д.

Применяя полевую методику, мы пытались изучить и систематизировать разнообразные средства и способы передачи значения будущего в современном английском языке, сопоставляя при этом его британский вариант, условно принятый в качестве нормы, с тремя другими территориальными разновидностями (американской, канадской и австралийской), статус которых по отношению к БА (британский английский) еще не определен. В ходе сравнительного анализа мы оперировали такой единицей, как грамматико-лексическое микрополе будущего, которое является неотъемлемым компонентом макрополя времени. Микрополе будущего (ГЛмП), которое является предметом нашего исследования, обладает сложной структурой и представляет собой совокупность средств, принадлежащих к различным уровням системы языка (уровню морфем, слов, предложений, текста), служащих для выражения понятия будущего. Основу данного микрополя составляет одно доминантное (инвариантное) значение (значение будущего) и определенный инвентарь средств, в которых оно получает более или менее специализированное выражение. При распределении конститuentов ГЛмП мы исходили из принципа абстракции в выражении основного инвариантного значения, присущей входящим в него языковым средствам. Степень абстракции снижается в направлении от центра к периферии. В соответствии с этим принципом конститuenty ГЛмП будущего распределяются в следующей последовательности.

Ядро, представленное чисто грамматическими средствами, которые условно подразделяются на **прямые** и **непрямые** элементы. Первые представлены граммемами the Future Non-Continuous Non-Perfect, the Future Continuous Non-Perfect и the Future Non-Continuous Perfect.

Непрямые (вторичные) включают повелительное и сослагательное наклонение, а также транспонированное настоящее (т. е. формы настоящего времени, используемые со значением будущего).

Грамматико-лексический сектор ГЛМП представлен десятью грамматико-лексическими конструкциями, среди которых ведущей является *Going + инфинитив*.

В роли лексических компонентов выступают чисто лексические средства выражения футуральности. Будучи разнородными по своему характеру, эти компоненты также условно подразделяются на **непрямые** и **прямые** единицы. Непрямые включают:

- 1) модальные глаголы и их эквиваленты,
- 2) глаголы с футуральной ориентацией,
- 3) существительные с футуральной ориентацией,
- 4) глагольные фразеологические единицы со значением будущего.

Прямые лексические средства распадаются на две основные подгруппы:

- 1) однословные индикаторы времени (прилагательные и наречия соответствующей семантики),
- 2) словосочетания с различной степенью фразеологизации.

Мы поставили своей целью проследить, как изменяется характер микрополя, функционирование его компонентов в четырех указанных региональных разновидностях английского языка. Добавим, что исследование проводилось на материале двух функциональных стилей — художественной прозы и прессы.

Обработка фактического материала (общий объем выборки — 14 тыс. примеров из современной художественной прозы и прогрессивной прессы Великобритании, США, Канады и Австралии) проводилась в следующем порядке:

I. Рассмотрение общего удельного веса компонентов микрополя в указанных подсистемах отдельно по функциональным стилям (художественная проза и пресса) и в их сопоставлении.

II. Характеристика функционирования основных компонентов ГЛМП с точки зрения содержания, т. е. наиболее характерных синтагматических значений данных структур.

III. Проверка характера сочетаемости различных средств выражения значения будущего в предложении, что дало возможность проанализировать основные компоненты ГЛМП с точки зрения активности их взаимодействия с другими конституентами микрополя.

По нашим данным, последний аспект изучения проблемы будущего принадлежит в настоящий момент к числу совершенно неизученных, хотя такой анализ представляется важным как для теоретического осмысления языковых явлений, так и для практического применения английского языка. Теоретическое значение подобного исследования — в установлении закономерностей сочетания различных средств выражения будущего в ареальных и стилистических разновидностях английского языка. Практическое значение проделанной работы мы видим в том, что выводы о сочетаемости средств выражения понятия будущего, а также об их употреблении в региональных вариантах могут оказаться полезными при практическом обучении

языку и овладении речевыми навыками (в частности, следовало бы обратить внимание на наиболее типичные случаи сочетания данных средств и избегать малоупотребительных).

Для обеспечения надежности выводов при исследовании количественной стороны грамматических явлений были использованы некоторые статистические методы обработки данных. В частности, при построении графиков применялись известные формулы абсолютных и относительных отклонений от нормы. Эти меры кажутся нам оправданными ввиду того, что приходится иметь дело с обширным фактическим материалом, количественный анализ которого, как нам кажется, должен дать необходимую информацию для более глубокого изучения качественных особенностей описываемых явлений.

Проделанная работа позволила нам сделать определенные выводы:

I. Грамматическое ядро микрополя отличается не только максимальной абстрактностью, но и максимальной употребительностью в обоих стилистических разновидностях английского языка. Доминирующим элементом ядра во всех четырех подсистемах является the Future Non-Continuous Non-Perfect (в среднем 45% всех случаев).

Вторичные грамматические средства (императив и сослагательное наклонение) принадлежат во всех микросистемах к числу широко распространенных средств. Это, в первую очередь, характерно для повелительного наклонения, которое в трех из рассматриваемых подсистем (США, Канада, Австралия) занимает второе место после доминанты.

Среди грамматико-лексических конструкций приоритет, безусловно, принадлежит *Going + инфинитив*. Эта конструкция является абсолютно доминирующей в художественной прозе США, где она по частотности употребления оказывается на втором месте после доминанты микрополя (ее удельный вес здесь в три-четыре раза выше по сравнению с другими ареалами.)

Среди чисто лексических средств выражения значения будущего самым «весомым» элементом является сектор модальных глаголов (14,65% — БА, 10,5% — АА, 9,0% — КА, 16,6 — АВА), которые в британской подсистеме оказываются на втором месте, а в остальных — на третьем месте после доминанты.

II. Рассмотрение качественной стороны употребления основных полисемантических ядерных структур ГЛМП и примыкающей к ним конструкции *Going + инфинитив* свидетельствует о преобладании стилистических различий над региональными.

III. С точки зрения характера сочетаемости средств выражения будущего в пределах глагольного комплекса элементы микрополя были разбиты на четыре подгруппы в порядке понижения их активности при взаимодействии с другими средствами. Подгруппы были условно названы: 1) «обязательная сочетаемость», объединяющая средства выражения футуральности, которые практически не употребляются самостоятельно, выступая лишь как сопровождающие элементы (спецификаторы) в комбинациях с другими (грамматическими и лексико-грамматическими) структурами; 2) «сильная сочетаемость»; 3) «слабая сочетаемость»; 4) «нулевая сочетаемость», куда

вошли компоненты, абсолютно не взаимодействующие с другими средствами.

Полученные таким образом данные дают основания полагать, что стилистический характер произведения оказывается важным фактором, обуславливающим сочетаемость различных средств передачи понятия будущего. Так, при сопоставлении данных по художественной прозе и прессе оказалось, что только две крайние (полярные) подгруппы являются идентичными, остальные радикально отличаются.

Другой интересный, на наш взгляд, вывод заключается в том, что в прессе наиболее активными оказываются компоненты австралийского микрополя. Здесь наблюдается минимальное число слушаев самостоятельного («неотягощенного») употребления структур.

Из числа наиболее общих выводов нам кажется наиболее примечательным то обстоятельство, что из всех исследованных региональных разновидностей наибольшее сходство с британской нормой обнаруживает канадская микросистема. Близость между этими ареальными вариантами проявляется по целому ряду параметров.

Таким образом, рассматривая ГЛМП будущего, что является, конечно, весьма ограниченной областью грамматического исследования, мы можем говорить о своеобразии развития региональных разновидностей английского языка, о ряде существенных количественных расхождений между рассматриваемыми подсистемами, что свидетельствует, на наш взгляд, и об определенных качественных различиях. Поэтому нам представляется, что в распоряжении современной лингвистики нет достаточных оснований для какой-либо дискриминации региональных микросистем. Вряд ли можно утверждать, что канадская или австралийская подсистемы на данном этапе имеют меньше оснований именоваться территориальными вариантами современного английского языка, чем языковые разновидности США или Великобритании.

Правильное разграничение вариантов и диалектов языка, функционирующего в силу исторических причин в различных частях земного шара, можно успешно осуществить только на основе изучения глубинных лингвистических процессов, учета взаимодействия и пересечений различных уровней и аспектов языка. Очень плодотворными и многообещающими в этом отношении кажутся нам полевые исследования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Швейцер А. Д. Литературный английский язык в США и Англии. М., «Высшая школа», 1971.
2. Брозович Д. Славянские стандартные языки и сравнительный метод. — «Вопросы языкознания», 1967, № 1, с. 3—33.
3. Шендельс Е. И. О грамматико-лексическом подходе к языку. — «Учен. зап. к Моск. пед. ин-та иностр. яз. Лингвистика и методика в высшей школе». М., 1970.
4. Адмони В. Г. Опыт классификации грамматических категорий в современном языкознании. — «Вопросы языкознания», 1971, № 5, с. 37—48.
5. Бондарко А. В. К теории поля в грамматике. — «Вопросы языкознания», 1972, № 3, с. 20—35.

О СИНОНИМИИ В МЕДИЦИНСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ

Проблема синонимии постоянно привлекает к себе внимание лингвистов. Однако если вопрос синонимии в разговорной, художественной речи находит различные толкования, но рассматривается как явление положительное, то в области научного языка оно нежелательно, поскольку способствует разрастанию номенклатур.

Анализ медицинской терминологии убеждает в необходимости тщательного исследования ее лексического состава с целью выяснения источников синонимии и, прежде всего, для изыскания путей отбора более точных и соответствующих своему назначению терминов, путей унификации чрезвычайно разросшихся номенклатур.

Появление большого числа синонимов в медицинской науке объясняется различными причинами, связанными, главным образом, с использованием богатой лексики как латинского, так и греческого языков и бурным развитием медицинской науки одновременно в различных странах.

Богатая лексика классической латыни позволяет исследователям отобрать такие слова, которые наиболее точно и образно характеризуют описываемые объекты.

Анализ анатомических терминов показал, что абсолютно тождественных терминов нет. Так, в значении «бугор» употребляется *tuber* и *protuberantia*, где *tuber* — это «возвышение с широким основанием и округлой верхней частью», *protuberantia* — «с остро выступающей верхней частью».

Не являются тождественными и существительные *fovea* и *fossa* в значении «ямка». Каждое из этих слов имеет свои специфические оттенки. Менее употребительное в анатомической терминологии существительное *fovea*, которым в классической латыни обозначалась «ямка, специально выкопанная для ловли зверей» [4], в анатомии служит для обозначения «углубления, как бы просверленного, в котором что-либо можно спрятать». Н. И. Пирогов такие «ямки» часто называл «карманом» или «впадиной» *fovea seu excavatio* [8].

Существительное *fossa* обычно используется в тех случаях, когда речь идет о «ямке или углублении, образованном прилегающими частями». Так, *fossa pterygopalatina* (крылонебная «ямка») образована участками верхнечелюстной, клиновидной и небной кости [5]. В официальной анатомической номенклатуре существительное *fossa* употребляется чаще, чем *fovea*, однако замена одного термина другим нецелесообразна.

Точно так же существительные *apertura* и *foramen* в значении «отверстие» обозначают различные по форме образования. *Apertura* обозначает «отверстие с широким, как бы раскрытым входом, открывающим доступ к чему-либо», *foramen* (этимологическое значение — «дыра») — это «естественное отверстие в кости».

Большое число синонимов используют анатомы в значении «полость», но частота их употребления различна. Редко в этом значении

употребляются *cavitas*, термин, введенный Везалием [3], *caverna*, *antrum* [1]. Более употребительными являются *cavum* («полость»), *recessus* («карман»), *sinus* («пазуха»), где каждое из слов имеет свои специфические оттенки значения и не могут быть взаимозаменяемыми.

В значении «сустав» используются *articulatio* и *articulus* [1]. В классической латыни *articulatio* встречается редко. Плиний Старший употреблял это слово для обозначения «коленца» у растений, а «сустав» называл *junctura* или *nodus* [3]. У Цельса существительное *junctura* употребляется для обозначения всякого рода соединения костей. *Articulatio* как термин для обозначения «сустава вообще» введен Везалием, *articulus* же употребляется по отношению к определенному суставу [3]. Безусловно, *articulus* — это слово, которое должно было бы закрепиться в терминологии, поскольку оно отвечает многим требованиям (термин точный, краткий, дающий основу для образования производных слов) [6]. Тем не менее *articulatio* вытеснило термин *articulus*, который не вошел в современную Парижскую номенклатуру (1955), хотя был в Базельской (1895) и Йенской (1935).

Таким образом, анатомическая терминология содержит большое число слов, близких по значению, но не являющихся абсолютными синонимами, поскольку каждое из них имеет свои специфические оттенки значения. При унификации официальной анатомической номенклатуры, очевидно, можно исключить лишь те слова синонимического ряда, которые имеют малую частоту употребления (*cavitas*, *antrum*, *articulus* и другие).

Большое число терминов-синонимов появилось в период бурного развития медицинской науки (XVII—XIX вв.), когда каждый автор характеризовал одно и то же явление или объект по-разному: одни авторы уделяли внимание форме, другие — выполняемой функции, третьи — назначению. По мнению Т. Доната, составителя толкового анатомического словаря, до 1895 г. в анатомической науке существовала «анархия в области анатомических выражений» [2], было большое число терминов тождественных, но известных под различными названиями.

Так, современный термин *musculus sternocleidomastoideus* (грудинно-ключично-сосцевидная мышца), который, как указывал П. Эйслер [7], впервые ввел французский ученый Винслов, у разных авторов имеет свои наименования: Риолан (1580—1657) называл эту мышцу *musculus mastoideus* — «сосцевидная мышца», характеризуя ее внешний вид; Меккель (1714—1774) ввел наименование *putator capitis* — «мышца — киватель головы», указав на ее функцию; Краузе (1797—1868) обозначил эту мышцу термином *musculus quadrigeminus capitis* — «четырехпарная мышца головы», характеризуя одновременно и внешний вид и месторасположение мышцы.

Точно так же термин *musculus pterygoideus externus* — «наружная крыловидная мышца», который был введен Риоланом, претерпевал изменения. Одни авторы называли эту мышцу *musculus pterygoideus minor* («малая крыловидная мышца»), подчеркивая ее размеры, другие — *musculus pterygoideus abducens* («отводящая крыловидная мышца»), указывая на одну из ее функций.

В период бурного развития анатомической науки появилось большое число эпонимных терминов: *tuba Eustachii* — Евстахиева труба, *antrum Highmorii* — Гайморова полость, *canalis Fallopii* — Фаллопиев канал и др. Появились эпонимные термины и в клинической терминологии: болезнь Боткина (синоним *hepatitis epidemica*), болезнь Брилля-Симмерса — хроническое заболевание лимфатических узлов (синоним *lymphoreticulosis*), Базедова болезнь или болезнь Грейвса (синонимы *struma exophthalmica*, *thyreotoxicosis*).

В области анатомической терминологии, где накопилось бесчисленное количество терминов-синонимов, вопрос об упорядочении терминологии решался на конгрессах анатомов: в 1895 г. была утверждена официальная номенклатура в Базеле, в 1935 г. — в Йене, в 1955 г. — в Париже. Парижская номенклатура полностью исключила эпонимные термины; громоздкие термины заменены краткими, например, *diameter antero-posterior* (передне-задний диаметр) — на *conjugata*; *lobus nervi pneumogastrici* (доля легочно-желудочного нерва) — на *flocculus* и др.

Описательные термины заменены более топографичными: *fenestra ovalis* («овальное окно») — *fenestra vestibuli* («окно преддверия»), *fenestra rotunda* («круглое окно») — *fenestra cochleae* («окно улитки») и др.

Что же касается клинической терминологии, то вопросы эпонимов, синонимии, дублетности еще нуждаются в пересмотре.

Появление большого числа синонимов в медицинской терминологии связано с тем, что в качестве терминов употребляются не только латинские, но и греческие слова. Латинский и греческий языки являются единой базой для образования терминов. Вот почему слова-дубликаты многими авторами словарей и учебников называются синонимами.

Анализ анатомических терминов позволил сделать вывод о том, что в анатомии более всего употребляются латинские слова. Однако в целом ряде производных слов используются греческие корни.

Так, в значении «желудок» употребляется латинское слово *ventriculus*, а не греческое *gaster*, но имеются прилагательные *gastricus* (желудочный), *epigastricus* (надчревный), *digastricus* (двубрюшной) и др. В значении «глаз» употребляется лишь латинское слово *oculus*, а не греческое *ophthalmos*, но есть прилагательное *ophthalmicus* (глазной); точно так же в значении «пузырь» или «мочевой пузырь» греческое существительное *cystis* не употребляется, хотя есть прилагательное *cysticus*.

Но если в анатомической терминологии употребление слов-дублетов сравнительно невелико, то в клинической терминологии оно огромно.

Так, в значении «желудок» клиническая терминология использует и латинское *ventriculus*, например, *cancer ventriculi* (рак желудка), *ulcus ventriculi* (язва желудка) и греческое *gaster*, которое употребляется во всех производных и сложных терминах, например: *gastritis* (воспаление желудка), *gastrocele* (желудочная грыжа) и др.

Лишь в немногих терминах употребляется существительное *vena* (вена) без тождественного ему греческого *phlebos*, например:

venostosis (венозный застой), venopunctio (прокол вены). Редко употребляется и греческое *phlebos* без его латинского синонима — *phlebitis* (воспаление вен), *phlebostenosis* (сужение вен).

В большинстве же случаев наблюдается параллельное употребление терминов с латинскими и греческими корнями, которые тождественны по своему значению: *venectomy* = *phlebotomia* (рассечение вены), *venoclysis* = *phleboclysis* (внутривенное вливание).

В значении «матка» к латинскому *uterus* употребляются два греческих слова *hystera* и *matryx* (в сложных словах — *metra*-). Так, в значении «опущение матки» используются *prolapsus uteri*, *descensus uteri*, *hysteroptosis*, *metroptosis*. В значении «фиксирование матки» — *hysterorrhaphia*, *hysteropectia*, *metropectia*, *uteropexia*, *fixatio uteri*; «рентгенография матки и фаллопиевых труб» — *hysterosalpingographia*, *hysterotubographia*, *metrosalpingographia*, *metrotubographia*, *uterosalpingographia*, *uterotubographia*.

Безусловно, такое нагромождение терминов одного синонимичного ряда неоправдано. Если говорить о путях унификации клинической терминологии, то, очевидно, следует оказать предпочтение греческим словам, исключить термины-гибриды, поскольку нецелесообразно присоединение греческих элементов к латинским словам.

Приведенные даже немногочисленные примеры свидетельствуют о необходимости тщательного пересмотра синонимов и терминов-дублетов в медицинской терминологии вообще и особенно в клинической. Эта работа должна проводиться совместными усилиями лингвистов и клиницистов с тем, чтобы исключить термины неточные, трудные для запоминания, неправильно образованные с точки зрения законов языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арнаудов Г. Медицинская терминология. Словарь на пяти языках. София, «Медицина и физкультура», 1964.
2. Донат Т. Толковый анатомический словарь. Будапешт, Типография Академии наук, 1964.
3. Карузин П. И. Словарь анатомических терминов. Л., 1928.
4. Кронеберг И. Латино-русский и русско-латинский словарь. С.-П., 1860.
5. Синельников Р. Д. Атлас анатомии человека. Т. 1. М., Медицина, 1967.
6. Шмальфельд. Латинская синонимика. М., 1890.
7. Eisler P. Die Muskeln des Stammes. Iena, 1912.
8. Pirogoff N. Anatomie topographica sectionibus per corpus humanum congelatum. Pars I. Petropoli, 1859.

Т. М. ТИМОШЕНКОВА

К ВОПРОСУ О ПАРЦЕЛЛЯЦИИ В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Одним из первых лингвистов, выделивших присоединение как особый вид синтаксической связи, отличный от сочинения и от подчинения, был А. М. Пешковский, который охарактеризовал его

как «сочинение после разделительной паузы» и «подчинение после разделительной паузы» [11, с. 472—473].

Академик Л. В. Щерба впервые ввел термин «присоединительные» союзы и предложил психологическое обоснование природы присоединения. Согласно этой теории при помощи присоединительной связи вводятся добавочные сообщения, не имевшиеся первоначально в виду, а возникшие неожиданно в сознании говорящего и реализуемые в речи в качестве дополнений [15, с. 80—81]. Дальнейшее развитие вопрос о присоединительных связях получил в работах академика В. В. Виноградова [5, с. 709—716]. Проблеме присоединительной связи, сложному синтаксическому целому посвящен ряд более поздних работ [1—4, 6—10, 13].

Все авторы едины, признавая, что присоединение — это факт речевого синтаксиса и что оно находит свое выражение в высказывании. Проблема присоединительных структур рассматривается в плане коммуникативно-синтаксическом, на уровне актуального членения предложения [1, 2, 3, 10]; анализируется интонация присоединения [9]; структурно-семантические особенности и стилистические возможности присоединительных конструкций [6] и др.

Однако сам термин «присоединение» довольно расплывчат, и разные лингвисты вкладывают в него разное содержание. Многие исследователи под присоединением понимают особый вид синтаксической связи, противопоставляемый сочинению и подчинению [11, 15]. Другие распределяют случаи присоединения между рубриками сочинения и подчинения [2]. Ю. С. Степанов термином «присоединение» обозначает разного рода вводные, вставные конструкции французского языка [14, с. 167]. Далеко не всегда принимается во внимание степень интонационной обособленности «присоединенной» части — присоединением считают все случаи отделения «присоединенной» части высказывания от основной, независимо от того, обособлены ли они точкой, запятой или тире [15, 8, 2, 4].

Представляется целесообразным выделить среди присоединительных конструкций так называемую парцелляцию. Под парцелляцией в самом общем смысле мы будем понимать «такой прием экспрессивного синтаксиса письменного литературного языка, существо которого состоит в расчленении синтаксически связанного текста на интонационно обособленные отрезки, отделяемые знаком точки. Именно точка в принятом здесь понимании парцелляции служит сигналом экспрессивного расчленения текста так же, как вопросительный или восклицательный знак» [12, с. 279—280].

Среди лингвистов нет единой точки зрения по вопросу о той роли, которую играет «присоединенная» часть в актуальном членении предложения. Ю. А. Азовцева, Ж. Е. Петрашевская считают «присоединенную» часть интонационно выделенной ремой [1, 10]. Более убедительной выглядит точка зрения И. К. Баталовой: «Присоединение в составе всего единства может быть: постпозитивной темой, ремой всего высказывания, фокусной ремой, головное предложение и присоединение могут градуироваться, быть рематическими дублетами; как тот, так и другой компонент высказывания может

быть сложной ремой или темой» [2, с. 26] в зависимости от коммуникативного назначения присоединения, семантики элементов высказывания, типа и структуры предложения и т. д.

Некоторые лингвисты неоправданно суживают сферу исследования, считая, безусловно, «присоединенными» конструкциями только конструкции, вводимые союзами и другими связующими элементами [8]. Другие, напротив, усматривают присоединительную связь в примерах типа: *И мачта гнется, и скрипит* [15], в которых вряд ли можно отграничить присоединительную связь от сочинительной.

Ю. А. Азовцева и некоторые другие исследователи рассматривают парцелляцию и обособление как явление одного плана — коммуникативно-стилистические варианты высказывания. «Парцелляция представляет собой более яркий пример расчлененной подачи высказывания» [1, с. 7]; это — «оторванная от предложения, обособленная синтагма» [7, с. 80]; это — «отделенные точкой слова или группы слов, которые при соответствующей трансформации могли бы войти в состав данного предложения на положении необособленного члена» [13, с. 6].

Точка зрения на обособление и парцелляцию как явления одного плана представляется нам спорной. Далеко не всякий парцеллят может быть включен в головное предложение, не нарушив его структуры. I Learned there. Some fun (Maltz A., *The Cross and the Arrow*. L., 1963, p. 83).

Как свидетельствует анализ текстов, подвергаться парцелляции может практически любой член предложения.

Подлежащее: Nobody knows how to do it except the Egyptians. Even modern science (Salinger G. D., *The Catcher in the Rye*. M., 1968, p. 204).

Предикатив: I felt funny when I got outside. Sort of dizzy (Ibid, p. 184).

Определение (согласованное или несогласованное): He was a pretty good guy. Quite amusing and all (Ibid, p. 98). You could have beautiful children. With red hair like you own (Hailey A. *Airport*. N.-Y., 1968, p. 151).

Дополнение: I'm going to find my washing. And my little cat (Arden G. *Three Plays*., Penguin Books, 1964, p. 170).

Обстоятельство: He resigned. This afternoon (Hailey A., *The Hotel*, N.-Y., 1965, p. 268). The black pearl is rotting down. Fast (Lawrence D. H. *Studies in Classic American Literature*, N.-Y., 1964, p. 109).

Парцелляция происходит как в простом, так и в сложном предложении. You've got to ask the questions. And some of them cut deep (Capote T. *In Cold Blood*, Penguin Books, 1971, p. 93). ... I watched him rake leaves and burn them. Watched, without really seeing him. Because all I could see was the dress (Ibid, p. 103).

Естественно, парцелляция происходит тем легче, чем меньше зависимость парцеллируемого элемента от головной части высказывания (в случае обособленных определений, обстоятельств и т. д.). Счи-

тается, что широкое употребление парцеллированных структур объясняется общей тенденцией к расчлененной подаче высказывания. Однако частотность употребления парцеллированных структур — черта индивидуального стиля, в разной степени представленная у разных авторов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Азовцева Ю. А. Коммуникативно-стилистическая вариантность на уровне высказывания (обособление и парцелляция). — Учен. зап. Моск. пед. ин-та иностр. яз., 1970, т. 55. Вопросы романо-германской филологии, с. 3—10.
2. Баталова И. К. Квалификация высказываний с присоединением в аспекте актуального членения в английском языке. Автореф. на соиск. учен. степени канд. филол. наук. Л., 1974. 28 с.
3. Ваников Ю. В. Явление парцелляции в современном русском языке. Автореф. на соиск. учен. степени канд. филол. наук. М., 1965.
4. Вейхман Г. А. К вопросу о синтаксических единствах. — «Вопросы языкознания», 1961, № 2, с. 97—105.
5. Виноградов В. В. Русский язык. М., Учпедгиз, 1947, с. 709—716.
6. Гаврилова В. В. Присоединительные конструкции и их использование в произведениях современной художественной литературы. Автореф. на соиск. учен. степени канд. филол. наук. Л., 1969. 26 с.
7. Кротевиц Е. В. Обособленные синтагмы. — Учен. зап. Львовского ун-та, 1948, т. VII, кн. I, с. 65—90.
8. Крючков С. Е. О присоединительных связях в современном русском языке. — В кн.: Вопросы синтаксиса современного русского языка. М., 1950, с. 397—411.
9. Мильк В. Ф. Интонация присоединения в современном английском языке. Автореф. на соиск. учен. степени канд. филол. наук. М., 1960. 32 с.
10. Петрашевская Ж. Е. Парцелляция простого предложения в современном английском языке. Автореф. на соиск. учен. степени канд. филол. наук. М., 1974. 25 с.
11. Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. Изд. 7. М., 1956, с. 472—473.
12. Русский язык и советское общество. Морфология и синтаксис современного русского литературного языка. Под ред. Панова. М., «Наука», 1968. Гл. 4. Парцелляция, ее коммуникативно-экспрессивные и синтаксические функции, с. 277—301.
13. Свиблова Т. А. Обособленные члены предложения в современном немецком языке. Автореф. на соиск. учен. степени канд. филол. наук. М., 1960. 31 с.
14. Степанов Ю. С. Структура французского языка. М., 1965. 223 с.
15. Щербат Л. В. О частях речи в русском языке. — В кн.: Избранные работы по русскому языку. М., Учпедгиз, 1957, с. 80—81.

Ю. М. ТКАЧЕНКО

СОЧЕТАЕМОСТЬ ПРИЧАСТИЯ В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Как известно, в комбинаторике английского причастия наблюдаются не только типичные глагольные сочетательные свойства (например, способность вступать в связи со словами субстантивного класса в функции прямого дополнения, сочетаться со словами адвербиального класса в функции обстоятельства), но и некоторые сочетательные свойства, характерные для имени прилагательного (способность вы-

ступать в предложении в роли определения имени существительного или в функции предикатива) и наречия (способность сочетаться с глаголом, выполняя функцию обстоятельства). В данной статье изложены результаты исследования, в задачи которого входило установление количественной и качественной характеристики сочетаемости английского причастия, выделение основных классов конструкций и моделей сочетаемости причастия, а также определение относительной коммуникативной значимости причастных конструкций путем подсчета их встречаемости в речи. Количество связей причастия I несколько больше числа связей личных форм глагола: на каждые 100 глаголов в личной форме приходится в среднем 296 связей, на 100 причастий I — 313 связей. Причастие II сильно уступает всем остальным формам глагола по количеству связей (100 причастий II сочетается в среднем со 199 словами). В то время как большинство глагольных форм реализует в речи по три и более сочетательные потенции на каждую единицу (78% герундиев, 71% инфинитивов, 68% причастий I и 58% личных форм глагола являются многосвязными словами), причастие II имеет по три связи и более лишь в 26 случаях из 100. Причастия I (70%), личные формы глагола (76%), герундии (80%) и инфинитивы (82%) имеют как препозитивные, так и постпозитивные связи в предложении, выполняя тем самым роль связующего звена между другими словами. Но среди причастий II только 38% имеют двусторонние связи. Если же взять качественную сторону сочетаемости, то тут комбинаторные свойства причастия I и причастия II во многом совпадают, так как эти формы глагола имеют одни и те же основные классы конструкций и модели сочетаемости. Более того, наблюдается большое сходство в комбинаторике обоих причастий и финитного глагола по линии активных связей, т. е. грамматически господствующего слова в словосочетании, поскольку все формы одного и того же глагола могут иметь одинаковые зависимые элементы, если эти формы принадлежат одному и тому же залогу (причастие II имеет те же зависимые слова, что и формы страдательного залога).

Основное отличие в сочетаемости причастий и личных форм глагола заключается в том, что причастия в большинстве случаев (88,6% для причастия I и 86,4% для причастия II) вступают в пассивную связь с глаголом или словом субстантивного класса (т. е. являются зависимыми компонентами словосочетаний), а личные формы глагола пассивных грамматических связей не имеют. Кроме того, причастия иногда употребляются в качестве главного члена вводного выражения. Как и финитный глагол, причастия могут также иметь предикативные связи со словами субстантивного класса, но, во-первых, предикативные связи у причастий встречаются в восемь раз реже, чем у личных форм глагола; во-вторых, причастные предикативные сочетания относятся к конструкциям вторичной предикации.

Причастные конструкции можно разбить на четыре основных класса, охватывающих в общей сложности девять моделей (см. табл.).

В таблице употреблены следующие условные обозначения: *N* — субстантивное слово, *V* — глагол, *V_s* — безобъектный глагол, *V₁* — копулятивный глагол, *P₁* — причастие I, *P₂* — причастие II, — — союз,

Основные классы конструкций и модели сочетаемости причастия

	Основные классы конструкций			Модели сочетаемости		
	№	Структурная формула	Частотность	№	Структурная формула	Частотность
Причастие I	1	V/P_1	54,2%	1	$\overleftarrow{V/(\dots)P_1}$	43,6%
				2	$\overleftarrow{V/-P_1}$	1,4%
				3	V_s/P_1	6,2%
				4	V_1/P_1	3%
	2	N/P_1	34,4%	1	$P_1 \setminus N$	16,2%
				2	N/P_1	18,2%
	3	$\boxed{N \leftrightarrow P_1}$	11,2%	1	$\boxed{N \leftrightarrow P_1}$	10,8%
				2	$\boxed{N \leftrightarrow P_1 \dots}$	0,4%
	4	$) - P_1 - ($	0,2%	1	$) - P_1 - ($	0,2%
Причастие II	1	V/P_2	37,2%	1	$\overleftarrow{V/(\dots)P_2}$	1,6%
				2	$\overleftarrow{V/-P_2}$	1,4%
				3	V_s/P_2	0,4%
				4	V_1/P_2	33,8%
	2	N/P_2	49,2%	1	$P_2 \setminus N$	25,6%
				2	N/P_2	23,6%
	3	$\boxed{N \leftrightarrow P_2}$	13,4%	1	$\boxed{N \leftrightarrow P_2}$	13,2%
				2	$\boxed{N \leftrightarrow P_2 \dots}$	0,2%
	4	$) - P_2 - ($	0,2%	1	$) - P_2 - ($	0,2%

[] — синтаксический комплекс,) -- (— вводная конструкция, ↔ — предикативные связи, ... — дистантная связь, — факультативность связи, ← — вариантность позиции слова, / , \ — зависимость слова, которое обозначено символом, стоящим под чертой, — — — опосредованная связь.

К I-му классу причастных конструкций относятся глагольные словосочетания, в которых причастие является зависимым компонентом. Здесь можно различить четыре модели.

Модель № 1. В этой модели причастие, выполняющее функцию обстоятельства, имеет прямую (и обычно дистантную) связь с глаголом. Характерной особенностью данной модели является то, что направленность связи причастия с глаголом может быть разной — препозитивной и постпозитивной, т. е. модель № 1 имеет два основных структурных варианта ($V/\dots P$; $P\dots/V$), ср.: *She stood up behind the tray, holding out her white arm...* (J. Galsworthy. *The White Monkey*. M., 1953, p. 9). *Holding out her white arm, she stood up behind the tray.*

Такие конструкции мы считаем вариантами одной и той же модели, а не разными моделями потому, что позиция причастия не зависит ни от его свойств, ни от свойств грамматически господствующего глагола. Приблизительно в 70% конструкций, построенных по модели № 1, оба варианта могут быть легко трансформированы друг в друга. Там же, где такую трансформацию применить нельзя, та или иная позиция причастия зависит от структуры предложения, от временной соотношенности между действиями, выраженными личным глаголом и причастием, и от некоторых других причин. Например, в предложении *Standing there... she noted against the wall one whose face was screened by his programme* (J. Galsworthy, p. 21) структура группы сказуемого не позволяет поставить причастный оборот в постпозиции. В предложении *Reaching her room, she turned on the lights* (J. Galsworthy, p. 8) причастие и личная форма глагола выражают два действия в их естественной последовательности. Поэтому вполне понятно, что причастие должно предшествовать личной форме глагола, а не следовать за ней.

Причастие II редко употребляется в модели № 1, но для причастия I эта модель является основной и по частотности намного превосходит все остальные модели. В ней употребляются все формы причастия I (перфектные и неперфектные, активные и пассивные). Из структурных вариантов модели № 1 более распространен вариант $V/\dots P$, который встречается приблизительно в три раза чаще, чем вариант $P\dots/V$.

Модель № 2. В данной конструкции причастие также сочетается с глаголом и выполняет функцию обстоятельства, но, в отличие от модели № 1, имеет с главным компонентом опосредованную связь, например: *Each time he passed a lamp-post he shrank a little, as though expecting it to strike him* (K. Mansfield. *Selected Stories*. Moscow, 1957, p. 22—23). Модель № 2 имеет такие же структурные варианты, как и модель № 1. Частотность данной модели у причастия I и причастия II одинакова.

Модель № 3. Здесь причастие в функции обстояательства имеет прямую контактную препозитивную связь с безобъектным глаголом, например: *Sometimes she stood not thinking at all* (J. Galsworthy, p. 10). Эта конструкция структурных вариантов не имеет, так как связь причастия с глаголом в ней настолько тесная, что изменить положение причастия в предложении (а вместе с тем и направленность связи) не представляется возможным. В модели № 3 употребляется преимущественно причастие I. Причастие II употребляется здесь гораздо реже.

Модель № 4 В этой модели причастие вступает в прямую контактную связь с копулятивным глаголом и выполняет функцию предикатива, например: *You have power to turn one's head. And mine is turned* (J. Galsworthy, p. 7). Для причастия II эта модель является самой распространенной: более $\frac{1}{3}$ его конструкций строится по данной модели. Причастие I употребляется в модели № 4 в 11 раз реже, чем причастие II.

Ко 2-му классу конструкций причастия следует отнести именные словосочетания, в которых причастие является зависимым компонентом, выполняя функцию определения. Этот класс конструкций является главным для причастия II, поскольку около половины причастий II употребляется в речи как компонент именных словосочетаний. Причастие I встречается в таких конструкциях реже: только около $\frac{1}{3}$ причастий I входит в состав именных словосочетаний в качестве зависимых компонентов. При этом следует отметить, что не все формы причастия I могут иметь пассивную связь с существительными. Обычно только неперфектное причастие I действительного залога выполняет функцию определения существительного. Изредка в этой функции встречается также неперфектное причастие I страдательного залога. Перфектные же причастия не употребляются в речи как зависимые компоненты именных словосочетаний.

Во 2-м классе можно различить две модели причастий.

Модель № 1. Сюда относятся именные словосочетания, в которых причастие находится в препозиции по отношению к существительному и, следовательно, вступает с ним в постпозитивную контактную связь, например: *You took the money that ought to have fed starving children* (B. Shaw. *Widowers' Houses*. Moscow, 1950, p. 60). *In two years he was a ruined man* (W. S. Maugham. *Rain*. In: *Modern English Short Stories*. Moscow, 1963, p. 206). В этой модели причастия обычно употребляются тогда, когда они не имеют активных связей, т. е. не имеют зависимых слов. Изредка в данной конструкции встречается и причастие с активной связью, но в таком случае оно обычно имеет только одно зависимое слово, например: *Its windows and doors had gently rounded tops* (J. Galsworthy, p. 6).

Модель № 2. В этой модели причастие находится в постпозиции по отношению к существительному, например: *There was a thin strip of silver beach rising quickly to hills covered with luxuriant vegetation* (W. S. Maugham, p. 195). В подавляющем большинстве случаев причастие имеет препозитивную связь с существительным, если у причастия есть зависимые слова. Однако иногда встречаются в этой конст-

рукции причастия без зависимых слов, например: But the quality of the hair used has gone down (Morning Star. August 9, 1969).

К 3-му классу мы относим конструкции, у которых причастия имеют предикативные связи со словами субстантивного класса. Чаще всего это — синтаксические комплексы, выполняющие функцию подлежащего, дополнения или обстоятельства. В 3-м классе есть два типа причастных конструкций, иначе говоря, предикативные сочетания слов, содержащие причастия, строятся по двум моделям.

Модель № 1. По этой модели построены те предикативные сочетания слов, в которых причастие имеет предикативную связь со словом субстантивного класса, входя в состав сложного дополнения, абсолютного причастного оборота или являясь сказуемым простого предложения: She heard his *stick thumping* (K. Mansfield. The Daughters of the Late Colonel. In: Modern English Short Stories. Moscow, 1963, p. 111). A youth sat sideways with his *legs stretched out* towards her (J. Galsworthy, p. 6). But what was this?.. *People coming...* Women... And children... (P. Abrahams. The Path of Thunder. Moscow, 1954, p. 29). В подавляющем большинстве случаев предикативная связь причастия в этой модели является контактной, дистантная предикативная связь встречается очень редко.

Модель № 2. Сюда относятся предикативные сочетания причастия со словом субстантивного класса, которые традиционно рассматриваются как сложное подлежащее, например: Cokane and Sartorius are seen returning by the river gate (B. Shaw, p. 41). Предикативная связь причастия данной конструкции обязательно является дистантной, что и отличает модель № 2 от модели № 1. По частоте употребления в речи эта модель в десятки раз уступает модели № 1.

Кроме описанных основных классов причастных конструкций, причастие имеет еще одну конструкцию, в которой оно не имеет ни предикативной, ни пассивной связи с каким-либо определенным словом. В этой конструкции причастие вместе с зависимыми словами выполняет функцию вводного члена предложения, например: And yet his affairs were, practically speaking, Fleur (J. Galsworthy, p. 64). A nervous, wiry, pertinacious sort of human terrier, judged by his mouth and eyes (B. Shaw, p. 54). Такие конструкции мы относим к 4-му классу. В речи встречаются они крайне редко.

В заключение следует отметить, что подсчет встречаемости различных причастных конструкций в речи свидетельствует об их неодинаковой коммуникативной значимости, что необходимо учитывать в преподавании английского языка. Так, если модель № 2 (класс 3-й) встречается в речи в 66 раз реже, чем модель № 1 того же класса, то преподаватель, естественно, должен в первую очередь добиться прочного усвоения модели, которая имеет гораздо большее значение для целей коммуникации.

К ВОПРОСУ О ТРАКТОВКЕ ПРИЧАСТИЯ II АНГЛИЙСКОГО ГЛАГОЛА

Изучение причастия II в современном английском языке представляет большой интерес, поскольку его сложный двойственный характер вызывает различные толкования. Анализ грамматических категорий, выраженных в причастии II, а также место причастия II среди других причастий представляет собой очень трудную нерешенную проблему [6, с. 133]. Значение причастия II, как и других вербидов, зависит от его грамматической природы, морфологического, синтаксического и лексического характера глагола. Из-за этого сложного переплетения значений отношения между личными формами глагола в парадигматическом плане до сего времени продолжают во многом оставаться вне поля зрения грамматической теории [2, с. 12].

В науке нет единого ответа на вопрос о месте причастия II в системе современного английского глагола. Большинство исследователей считают причастие II неотъемлемой частью сложной аналитической формы личного глагола, не рассматривая специально его статус в самостоятельном употреблении [13, 12, 10, 4 и др.]. Некоторые языковеды рассматривают причастие II как один из компонентов маркированного члена оппозиции «личный — неличный глагол» (категория репрезентации по терминологии А. И. Смирницкого) [8]. Ряд других грамматистов, рассматривая вербиды как часть английской глагольной системы, полагают, что причастие II занимает особое положение в системе глагола [9, с. 190]. Это обусловлено тем, что оно обладает целым рядом своеобразных свойств:

1. Причастие II от субъективных глаголов употребляется не самостоятельно, а лишь в составе аналитических форм.

2. Причастие II не имеет противочлена оппозиции, выражающей категорию временной отнесенности — *The Category of Order* (по терминологии Б. С. Хаймовича и Б. И. Роговской), но в речи указывает на одновременность или предшествование в зависимости от значений лексемы, к которой оно принадлежит, и от контекста. Причастие II от предельных глаголов, как правило, выражает предшествование, от непредельных — одновременность. Так, *loved* нельзя рассматривать как член оппозиции залога *loving — loved*. Это было бы непоследовательно, потому что *loving* противостоит по линии залога — *being loved*; *loved* не имеет типичного маркера страдательного залога — аналитической морфемы *be ... ed (en)*.

Таким образом, причастие II рассматривается как своеобразная одночленная микросистема в составе глагола.

Одним из нерешенных вопросов остается вопрос о месте и природе *done*, *prepared* в аналитических формах глагола (*Perfect*, *Passive*). Традиционно эти формы на *-ed* называются причастием II. По мнению Богачева В. И., *done* в *have done*, *is done* (аналитических) и *done* в *is done* (свободном сочетании) не тождественны. В свободном сочетании оно имеет свойства глагола и прилагательного, в то время как в *have done* (*Perfect*) и *is done* (*Passive*) *done* этой гибридности не сохраняет,

т. е. полностью теряет свойства глагольного прилагательного (свои адъективные черты). Возникает вопрос, можно ли назвать *done* в аналитических формах вообще причастием? Богачев В. И. называет эти слова омонимами и утверждает, что в аналитических формах *done* не причастие [3, с. 12]. Что же это за форма? На этот вопрос пока ответа тоже нет, и он поэтому требует тщательного исследования.

Различные толкования статуса причастия II в его отношении к системе глагола в целом вызывают противоречивые взгляды языковедов и на природу значений причастия II (мы не говорим грамматических категорий, так как присутствие или отсутствие последних нужно доказать). Отсутствие единства мнений и неясность в освещении проблемы причастия II в теоретических трудах определяют и разноту по ее описанию в учебной литературе. В учебниках причастие II называют, как правило, причастием прошедшего времени и ограничиваются лишь рассмотрением его синтаксического употребления.

Итак, тщательный анализ научных исследований советских и зарубежных языковедов дал нам возможность выделить три основных направления, которые отличаются трактовкой значения причастия II английского глагола.

I. Большинство лингвистов, заявляя о своеобразном положении причастия II в системе современного английского языка и о трудности определения его значений, отказываются от их квалификации. Так, Б. С. Хаймович и Б. И. Роговская, по существу, ограничиваются негативной характеристикой свойственных причастию II значений страдательности и перфективности (при взаимодействии с терминативным глаголом). Они указывают, что эти значения не являются ни лексическими (они присущи лишь отдельным элементам системы глагола), ни лексико-грамматическими (по тем же соображениям), ни грамматическими, поскольку не обладают признаками оппозитивности, симультанности и т. д., присущими грамматическим значениям [9, с. 190—191]. С этой точкой зрения совпадают взгляды других ученых [7, 3 и др.]. Ряд исследователей, которые относятся к периоду классической научной грамматики, говорят о пассивных и перфектных значениях, не раскрывая природы пассивности и перфективности [12, 14, 15 и др.]. Исходя из временных ассоциаций причастия II, а не из категориальных значений, Поутсма Г. считает, что единая форма причастия II может быть только в составе аналитических форм и в самостоятельном употреблении.

II. Особое направление представляет точка зрения Воронцовой Г. Н., согласно которой значения причастия II являются лексико-грамматическими. Как личные, так и неличные формы глагола обладают категорией залога. Наименее ясно эта категория выражена в причастии II и нередко принадлежит скорее самому существу смыслового содержания причастия, чем значению ее формы, т. е. является лексико-грамматической [4, с. 224].

III. Взгляды других ученых основываются на том, что причастие II имеет грамматические значения.

1. Значение перфекта [8, 5 и др.]. Так, А. И. Смирницкий рассматривает форму причастия II как наиболее простую синтетическую

форму перфекта. Причастие II регулярно имеет перфектное значение (не ясно, правда, какова природа этой перфектности, в какой степени она грамматична), когда применяется в качестве предикативного члена при глаголе-связке, а также в функции определения, если оно соотносится с сочетанием со связкой (was written) или аналитической формой с «have» (have been written) [8, с. 279]. По его мнению, неперфектность не свойственна этому причастию, тогда как перфектное его значение должно быть признано свободным, наиболее самостоятельным и наименее обусловленным значением. Перфектность аналитических форм с have определяется перфектностью самого причастия II.

2. Значение залога [10, 11, 6 и др.]. Ильиш Б. А., подчеркивая, что причастия II от переходных глаголов имеют единственную категорию — категорию залога, тем не менее говорит, что даже внутри самой категории залога причастия II, с формальной точки зрения, мы встречаемся с трудностями: страдательный залог выражается аналитической формой be + причастие II, в то время как причастие II имеет значение страдательного залога и без «be». Причастие II занимает особое положение среди форм страдательного залога [6, с. 134].

3. На принципиально иных позициях стоит Бархударов Л. С., который, развивая теорию Смирницкого А. И. о «категории репрезентации», где причастие II является компонентом оппозиции личная — неличная форма глагола, говорит о существовании в системе неличных форм глагола двух грамматических категорий: категории модальной репрезентации, основанной на противопоставлении инфинитив

«инг-» форма
причастие II,
и категории залогово-видовой репрезентации, манифестируемой в оппозиции «инг-»форма — причастие II [2, с. 14]. Однако он делает оговорку, что эти противопоставления неличных форм реализуются не всегда, так как семантические различия между этими формами подвержены влиянию синтаксических и морфологических факторов.

Итак, все исследователи говорят о неразрывной связи грамматических и семантических значений причастия II. Но никто не дал четкого ответа на вопросы: какова природа перфективности и пассивности причастия II? Каково место активных причастий II в системе английского глагола? Каковы препятствия к атрибутивному использованию некоторых причастий II («Bartered Bride», но не «Sold Bride»)?

Нерешенность проблемы причастия II проявляется и в терминологии: ряд ангlistов именуют неличные формы на -ed причастием прошедшего времени [13, 14, 15, и др.]; перфектными причастиями [5, 8]; пассивными [10, 11 и др.] и причастием II [12, 8, 6, 4, 10]. Е. М. Гордон, И. П. Крылова, объединяя формы герундия и причастия I, называют их «инг-» формами, а причастие на -ed — причастием. При этом авторы указывают на условность терминологии.

Все это свидетельствует о том, что перед нами практически нерешенная проблема — пучок противоречивых толкований, анализ которых весьма существенен и для исследования и для преподавательской практики.

По какому же пути следует искать конструктивное решение проблемы причастия II? Мы полагаем, что таким путем является дальнейшее развитие концепции А. И. Смирницкого о существовании в системе английского языка (очевидно, не только английского) особой грамматической категории, представленной оппозицией «личный — неличный глагол» (вербиды). С нашей точки зрения, только при таком подходе можно найти правильное истолкование взаимоотношения личного глагола и вербидов, определить характер вербидных морфем, выяснить природу значений причастия II, не имеющего оппозиции залога и временной отнесенности. Принятие концепции А. И. Смирницкого вызывает необходимость в глубокой разработке важной теоретической проблемы о разной степени сложности грамматических категорий, об оппозициях, образуемых противопоставлением целых подсистем языковых единиц, в данном случае личного глагола и вербидов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бархударов Л. С. К вопросу о бинарности оппозиций и симметрии грамматических систем. — «Вопросы языкознания», 1966, № 4, с 100—112.
2. Бархударов Л. С. Грамматические категории неличных форм глагола в английском языке. — «Иностр. яз. в школе», 1970, № 6, с. 11—15.
3. Богачев В. И. Причастие II в современном английском языке. Автореф. на соиск. учен. степени канд. филол. наук. М., 1956. 23 с.
4. Воронцова Г. Н. Очерки по грамматике английского языка. М., Изд-во лит. на иностр. яз., 1960. 399 с.
5. Жигадло В. Н., Иванова И. П., Иофик Л. Л. Современный английский язык. М., Изд-во лит. на иностр. яз., 1956. 350 с.
6. Ильиш Б. А. Строй современного английского языка. Л., «Просвещение», 1971. 366 с.
7. Иртеньева Н. Ф. Грамматика современного английского языка. М., Изд-во лит. на иностр. яз., 1956. 185 с.
8. Смирницкий А. И. Морфология английского языка. М., Изд-во лит. на иностр. яз., 1959. 440 с.
9. Хаймович Б. С., Роговская Б. И. Теоретическая грамматика английского языка. М., «Высшая школа», 1967. 298 с.
10. Ganshina M. A., Vasilyevskaya N. M. English Grammar. M., Higher School Publishing House, 1964. 548 p.
11. Gordon E. M., Krylova I. P. A Grammar of Present-Day English. M., Higher School Publishing House, 1974. 331 p.
12. Jespersen O. Essentials of English Grammar. L. George Allen and Unwin Ltd., 1933. 387 p.
13. Poutsma H. A Grammar of Late Modern English. Noordhoff — Groningen, 1926. 891 p.
14. Sweet H. A New English Grammar Logical and Historical. Oxford, University Press, 1955. 136 p.
15. Zandvoort R. A Handbook of English Grammar. Longmans, 1958. 587 p.

О СПОСОБАХ ПЕРЕВОДА НЕМЕЦКИХ СЛОЖНОПОДЧИНЕННЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ С ПРИДАТОЧНЫМИ ОБЪЕКТНЫМИ (С СОЮЗОМ *DAß*) НА РУССКИЙ ЯЗЫК

Исследование частных вопросов перевода, таких как перевод определенных грамматических структур, имеет, на наш взгляд, большое значение для построения курса теории перевода, а также для практики перевода.

Задачей данной статьи является установление закономерностей, наблюдаемых при переводе на русский язык одной из очень распространенных структур немецкого языка — сложноподчиненного предложения с придаточным объектным. В работах, посвященных сопоставлению некоторых грамматических явлений и структур немецкого и русского языков, мы не находим сколько-нибудь подробного описания этого вопроса [1,2].

Наблюдения показали, что перевод сложноподчиненных предложений с придаточным объектным зачастую зависит от дистрибуции, структуры и семантики этих предложений. Поэтому нам представляется целесообразным вести анализ перевода этих предложений именно по этим направлениям.

Установлено, что придаточное дополнительное предложение большей частью следует за таким сказуемым главного предложения, которое выражено глаголами говорения, мышления и чувства. Однако оно может зависеть и от именного сказуемого, предикатив которого выражен прилагательным или причастием. Таким образом, придаточное объектное немецкого языка может сочетаться с любой глагольной формой: спрягаемым глаголом, инфинитивом и причастием [3, с. 88].

В немецком языке придаточные дополнительные разнообразны. Это союзные придаточные, вводимые такими союзами, как *daß*, *ob*, *wie*, бессоюзные придаточные, а также придаточные, вводимые относительными местоимениями и наречиями [4, с. 334].

Наиболее распространенным типом придаточных дополнительных в немецком языке являются придаточные с союзом *daß*, наиболее абстрактным по значению в сравнении с другими союзами. Так как союз *daß* многозначен, представляется необходимым рассматривать перевод придаточных дополнительных в неразрывной связи с переводом этого союза, ибо от перевода союза часто зависит тот или иной оттенок значения данного придаточного предложения. Исследование показало, что придаточные объектные с союзом *daß* могут передаваться в русском языке дополнительными придаточными предложениями с такими союзами как *что*, *чтобы*, *как*, *почему*. Иногда союз опускается. Представляется интересным установить причины выбора при переводе того или иного союза, того или иного способа перевода.

Факты языка свидетельствуют о том, что придаточные дополнительные, вводимые союзом *daß* и обладающие значением гипотетичности или ирреальности, переводятся на русский язык придаточными дополнительными с союзом *чтобы*. Дистрибутивный анализ показал,

что употребление таких придаточных обусловлено, как правило, наличием в главном предложении слов, выражающих различные модальные оттенки значений, такие как желание, необходимость, побуждение и т. д. Например:

1. Ich **schlage** vor, *daß* du, sagen wir, zu Ostern, *daß* du in eine Schule eintrittst und das Abitur ablegst [D. Noll, Die Abenteuer des Werner Holt. Aufbau — Verlag Berlin. 1969. B. 2, S. 137].

2. Werner, ich **möchte**, *daß* du hier bleibst [Noll, S. 103].

Я предлагаю, *чтобы* ты, ну, скажем, к пасхе... поступил в школу и потом сдал экзамен на аттестат зрелости [Д. Нолль. Приключения Вернера Хольта. Ч. 2. М., Изд-во иностр. лит., 1965, с. 133].

Вернер, мне хочется, *чтобы* ты остался [Нолль, с. 98].

Придаточные дополнительные с союзом *daß* переводятся на русский язык придаточными дополнительными с союзом *чтобы* и в тех случаях, когда сказуемое главного предложения выражено глаголом с отрицанием. Так, например, в предложении:

Ich kann mich **nicht** erinnern, *daß* er so lustig war

Я не могу припомнить, *чтобы* он был так весел

союз *daß* соответствует русскому союзу *чтобы*, в главном предложении — глагольное сказуемое с отрицанием. Если же мы попробуем трансформировать немецкое предложение и опустим отрицание *nicht*, то перевод придаточного с помощью союза *чтобы* станет невозможным, и вместо него появится союз *что*: «Я припоминаю, *что* он был так весел».

Модальное значение придаточного предложения может быть обусловлено также семантикой сказуемого главного предложения, которое дополняется придаточным, раскрывается в нем. Например:

Die Genossen tragen Antons Sarg gemeinsam unter die Glocken und **sorgen** dafür, *daß* keine Hand mehr das kleine Haus des toten Freundes berührt [E. Strittmatter. Ole Bienkop. Aufbau — Verlag Berlin, 1969, S. 24].

Они относят гроб Антона в башню, под колокола, и принимают меры, *чтобы* ничья рука больше не тревожила последний сон покойного друга [Э. Штриттматтер. Оле Бинкоп. Роман-газета, 1965, № 5, с. 6].

Союз *чтобы* в данном переводе обусловлен тем, что придаточное предложение выражает модальное значение возможности и обладает еще дополнительным оттенком значения цели.

Дистрибутивный анализ показал, что придаточное объектное с союзом *daß* переводится придаточным дополнительным с союзом *что* в тех случаях, когда сказуемое главного предложения, с которым соотносится данное придаточное, выражено глаголами говорения, чувства, мышления, а также глаголами, выражающими внутреннее состояние человека. Это истинно объектные придаточные предложения без каких-либо дополнительных семантических оттенков. Например:

Er *wusste*, daß in ihm nun auch der letzte Rest zur Ruhe gebracht war [Noll, S. 67].

Он *знал*, что теперь все в нем улеглось до конца, без остатка [Нолль, с. 83].

Анализ сложноподчиненных предложений немецкого языка показал, что после ряда глаголов, выражающих состояние, мыслительные процессы, а также чувства, придаточные дополнительные предложения с союзом *daß* могут иметь дополнительный оттенок значения причины. Особенно четко этот оттенок значения выступает после глаголов, выражающих эмоции, таких, как: *sich wundern*, *sich schämen* и др. Например:

...und *wunderte sich*, daß sie ihn nicht wild angefahren hatte [St. Zweig, Novellen. Verlag für fremdsprachliche Literatur. М. 1969, S. 110].

... и *удивился*, что она не накинулась на него... [Ст. Цвейг, Избр. Киев, Гослитиздат УССР, 1957, с. 74].

Это значение причинности сохраняется и в русском переводе, если глагол-сказуемое главного предложения переведен глаголом той же семантики. Оно может исчезнуть, если в переводе произойдет замена глагола-сказуемого главного предложения на такой глагол, после которого причинный оттенок значения придаточного предложения пропадает. Ср.:

1. Edgar *bewunderte sich* selbst, daß es ihm gelang, dem Baron und seiner Mama die Hand zu reichen [Zweig, S. 61].

Эдгар и сам *не ожидал*, что ему удастся так спокойно подать руку барону и маме [Цвейг, с. 36].

2. Er *schämte sich*, daß seine arme Weisheit schon über die erste Stufe ins Leben hineinstolperte [Zweig, S. 103].

И он со стыдом *признавался* себе, что его убогая мудрость споткнулась уже на первой ступени при входе в жизнь [Цвейг, с. 69].

В приведенных предложениях, вместо глагола *стыдиться* и *восхищаться*, после которых в русских предложениях сохранился бы семантический оттенок причинности, в перевод введены глаголы *признаваться* и *не ожидать*. Вследствие этого главные предложения в приведенных переводах стали синсемантическими [см. подробнее 5] и требуют обязательного пояснения, дополнения. В соотнесенных с ними придаточных предложениях исчез оттенок причинного значения. В некоторых случаях переводчик, желая сохранить в переводе этот оттенок, вводит в русский текст слова, подчеркивающие своей семантикой причинный характер значения придаточного предложения. Ниже мы приводим пример, в котором придаточное дополнительное в русском переводе вводится наречием *почему*, что позволяет четко выделить причинный оттенок значения немецкого придаточного объектного с союзом *daß*:

Er fand nichts auszusetzen an diesen Worten und *wunderte sich*,

Ничего такого не было в ее словах, и Хольт *никак не мог по-*

daß sie in ihm doch ein Gefühl der Auflehnung weckten [Noll, S. 118].

нять, почему они все-таки вызывают в нем глухое раздражение [Нолль, с. 116].

Придаточные объектные с союзом *daß* могут переводиться на русский язык дополнительными придаточными предложениями с союзом *как*. Союз *как* в русском языке, как правило, вводит придаточные дополнительные, соотносимые с глаголом-сказуемым главного предложения, обозначающим восприятие [6, с. 283]. Союз *как* в таких случаях подчеркивает образ, интенсивность действия, признака, состояния, которые выражены сказуемым придаточного предложения. Например:

Ich *verstehe nicht*, daß Mama mit ihr so umgehen konnte [Zweig, S. 35].

Я *не понимаю*, как мама могла с ней так обойтись [Цвейг, с. 15].

Придаточные дополнительные, вводимые союзом *как*, более экспрессивны, чем придаточные с союзом *что*.

При глаголах говорения, восприятия, мышления и чувства в главном предложении немецкому сложноподчиненному предложению с придаточным объектным с союзом *daß* в русском языке может соответствовать бессоюзное изъяснительное предложение, в котором вторая часть предложения по отношению к первой выполняет функцию дополнения [6, с. 299]. Например:

«Ich bin ja nun Psychologe genug», — sagte Gottesknecht, — «um zu *sehen*, daß sie was auf dem Herzen haben» [Noll, S. 63].

«Ну, выкладывайте, — сказал Готтескнехт, — я в достаточной мере психолог и *вижу*: что-то у вас на душе» [Нолль, с. 61].

Опущение союза здесь обусловлено причинами стилистического характера: бессоюзное предложение более лаконично, оно более экспрессивно, чем предложение с союзной связью.

Проделанный нами анализ соответствующих фактов сравниваемых языков позволяет отметить еще некоторые возможные варианты перевода на русский язык сложноподчиненных предложений немецкого языка с придаточным объектным с союзом *daß*. Так, например, все сложноподчиненное предложение немецкого языка может быть передано в русском языке простым предложением. При этом все содержание придаточного дополнительного может быть выражено в русском языке одним словом, как правило, именем существительным в функции дополнения. Такой перевод объясняется часто разными возможностями словообразования в немецком и русском языках. Например:

1. Er hörte nicht, daß es klopfte [Noll, S. 36].

Он не слышал *стука* [Нолль, с. 38].

2. Er wartete auf die Wirkung des Alkohols, ader spürte nur noch deutlicher, daß er allein war [Noll, S. 97].

Он рассчитывал на действие алкоголя, но только острее ощутил свое *одиночество* [Нолль, с. 90].

Интересно заметить, что в обоих предложениях состав придаточных предложений минимален. При большей распространенности придаточных такая замена, очевидно, не всегда возможна.

В русском переводе рассмотренных сложноподчиненных предложений возможно опущение главного предложения, что определяет перестройку всего предложения. Например:

1. *Aber sie empfand auch*, daß mit dem regeren Gefühl der Neigung zugleich ihre Scham vor ihm wuchs und ihr strenger das Wort verwehrte, als vordem ihr Mißtrauen [Zweig, S. 144].

2. *Und doch spürte sie*, daß sie an nichts anderes dachte [Zweig, S. 141].

Но вместе с теплым чувством росло и чувство стыда, которое сковывало ей уста сильнее, чем прежнее недоверие [Цвейг, с. 112].

И все-таки ни о чем другом она думать не могла [Цвейг, с. 109].

Заслуживает внимания тот факт, что в обоих случаях главные предложения лишь по форме являются главными. Они синсемантичны настолько, что без них легко обойтись, так как все содержание заключено в придаточных объектных.

Многие закономерности перевода сложноподчиненных предложений с немецкого языка на русский обусловлены различиями в строе обоих языков. Так, если субъект главного и придаточного предложений один и тот же, в немецком языке он либо повторяется, либо в одном из предложений выражается местоимением. В русском языке, где двусоставность предложения не обязательна, в одном из предложений субъект-местоимение может быть опущен. Например:

Mit einemal spürte sie, daß sie ihn gerne ansah, mit Lust und mit Stolz [Zweig, S. 129].

Внезапно она осознала, что смотрит на него с удовлетворением и гордостью [Цвейг, с. 43].

Таким образом, проделанный нами сопоставительный анализ сложноподчиненных предложений с придаточными объектными немецкого и русского языков позволяет отметить, что структурно-семантическая характеристика сравниваемых конструкций зачастую свидетельствует об определенной общности немецкого и русского языков. Однако существующие различия как в грамматическом строе этих языков, так и на других языковых уровнях (как, например, словообразование) определяют в ряде случаев своеобразие в переводе сложноподчиненных предложений с придаточными объектными с немецкого языка на русский.

ЛИТЕРАТУРА

1. Федоров А. В. и др. Немецко-русские языковые параллели. М., Изд-во лит-ры на иностр. яз., 1961. 303 с.
2. Крушельницкая К. Г. Очерки по сопоставительной грамматике немецкого и русского языков. М., Изд-во лит-ры на иностр. яз., 1961. 265 с.

3. Ж и л и н И. М. Синонимика в синтаксисе современного немецкого языка. Краснодар, Изд-во Кубанского ун-та, 1974. 186 с.
4. А д м о н и В. Г. Синтаксис современного немецкого языка. Л., «Наука», 1973. 366 с.
5. Г у л ы г а Е. В. Структурно-семантическая классификация сложноподчиненных предложений. — «НДВШ. Филологические науки», 1958, № 3, с. 43—55.
6. Грамматика русского языка. Т. 2, ч. 2. М., Изд-во АН СССР, 1954. 444 с.

Н. Г. КОРЖ, канд. филол. наук

ТАРАС ФРАНКО — ПЕРЕВОДЧИК КАТУЛЛА

Освоение художественного наследия греческих и римских авторов на Украине связано с именами таких переводчиков, как Б. Тэн, Ю. Мушак, М. Билык, А. Содомора и др. Только за последнее время появились украинские переводы «Одиссеи» Гомера, «Поэтики» Аристотеля, «Энеиды» Вергилия, басен Федра, отдельных произведений Горация, Овидия, Марциала.

Переводческое мастерство современных украинских поэтов опирается на богатый опыт предшественников. Среди тех, кто открывал пути нынешним служителям десятой музы были: Г. Сковорода, П. Гулак-Артемовский, С. Руданский, Л. Украинка и многие другие. Благодаря их неутомимому труду украинские читатели впервые познакомились с произведениями Гомера, Горация, Овидия, Вергилия.

К сожалению, многие памятники античной литературы до сих пор не переведены на украинский язык или имеют устаревшие переводы. Настало время оценить существующие переводы и переиздать лучшие из них. Необходимо также установить, какие произведения античных писателей выпали из поля зрения украинских мастеров художественного перевода, так как до сих пор не собрана библиография переводов из античной литературы.

Мы остановимся на творчестве Катулла [87—54 гг. до н. э.] в переводах Тараса Франко.

Поэзию Катулла знают на Украине с давних времен. Почти во всех поэтиках, преподаваемых в Киевской академии, упоминается Катулл как изысканный мастер поэтических произведений. Однако он не стал школьным поэтом, ибо общественно-культурным и церковным деятелям XVII—XVIII ст. не все импонировало в его творчестве. Феофан Прокопович, например, отдавал предпочтение Вергилию, Горацию, Овидию [«*Methamorphoses*», «*Tristia*»], которые «прививают добродетели душе, искореняют пороки и делают людей... достойными всяческого почета и хвалы» [1, с. 344].

К творчеству Катулла, по сравнению с другими античными авторами, украинские переводчики обратились значительно позднее — в начале XX столетия. Первые переводы его стихотворений на украинский язык принадлежат Тарасу Франко, автору трех сборников переводов из римской литературы — «*Старе вино у новому місі*»

[1913], «З чужої левади» [1913], «Збиточний амор» [1918], куда вошли переводы произведений Горация, Катулла, Овидия, Проперция, Марциала. В предисловии к сборнику «З чужої левади» переводчик так сформулировал свои принципы: «...модернізував я передовсім форму старинних віршів. Розмірами оригіналів не в'яжесь зовсім. Вірші суцільні розбиваю на римовані строфи, переважно чотиристрічкові. Старався я головню віддати мисль первовзору, змінюючи тут і там вислов, назви і навіть цілі фрази» [2, с. 4]. Этих установок придерживался Т. Франко, переводя, например, произведения Горация. Обратившись к Катулле, он избрал иной путь — на темы одних его произведений создавал перепевы, другие — переводил, стремясь быть близким к оригиналу.

Т. Франко перевел 27 стихотворений Катулла весьма разнообразных как идейно-тематической направленностью, так и размерами*. Здесь и стихи к Лесбии, в которых поэт говорит о различных перипетиях их любви, и стихи, посвященные друзьям — Кальву, Фабуллу, Флавию, Вару, Верану и стихи против литературных врагов — поэтов архаического направления и стихоплетов — модернистов того времени, и стихи против морально опустившихся сторонников Цезаря, и такие произведения, как гимн Диане, свадебная песня в честь бракосочетания друга поэта Манлия Торквата, которые относятся к последнему этапу в творчестве Катулла.

Среди названных произведений три написаны элегическим дистихом, два — гликонеем, три — холиямбом, одно — ямбическим триметром, одно — приапеем, остальные — одиннадцатисложным фаллийским стихом.

Рассмотрим перевод одного из популярнейших стихотворений Катулла из цикла, посвященного Лесбии (V), которое стало образцом любовной лирики для многих поэтов разных времен. Чувства поэта претерпели множество испытаний, бесконечная радость взаимной любви часто отравлялась страданиями от непостоянства Лесбии. Эти страдания вначале раздваивали чувства поэта, а затем вызвали у него чувство ненависти к ней.

В стихотворении с большой художественной силой проявилось мастерство поэта, его индивидуальный стиль, характеризующийся сочетанием простоты народного языка, остроумия, юмора с изысканностью, риторикой, рефренами, неожиданными сравнениями и т. п.

Приведем это стихотворение в оригинале и в переводе Т. Франко.

Vivamus, mea Lesbia, atque amemus,
Rumoresque senum severiorum
Omnes unius aestimemus assis.
Soles occidere et redire possunt:
Nobis cum semel occidit brevis lux,
Nox est perpetua una dormienda.
Da mi basia mille, deinde centum,

* Среди них I, III, IV, VII, VIII, IX, X, XIII, XIV, XVII, XXII, XXVIII, XXXIV, XXXV, XXXVI, XXXVIII, X, XIII, XIV, XV, XVII, XVIII, III, XI, XXXV, CIX.

Dein mille altera, dein secunda centum,
Deinde usque altera mille, deinde centum.
Dein, cum milia multa fecerimus,
Conturbabimus illa, ne sciamus,
Aut nequis malus invidere possit,
Cum tantum sciet esse basiorum
[3, с. 3].

Нумо, Лесбіє, жити і любити.
А ті всі балачки старців поважних
Дуже мало нас будуть обходити:
Сонце може запасти і зійти знов.
Нам, як тільки зайде коротке світло,
Вічну прийдеться спати нічку разом.
Дай мені поцілунків тисяч, сто знов,
Тисяч других, потім і сотню других,
Потім третіх знов тисяч, дальше сотню,
Та, як матимеш тисяч багато,
Помішаємо їх, щоби не знати,
Щоб не завидував якийсь непотріб,
Як би знав, що є тільки поцілунків
[4, с. 15].

Как видим, переводчик сохранил размер оригинала — одиннадцатисложный фаликейский стих, почти полностью передал его содержание. Таким образом, перед нами перевод, а не перепев. Тем не менее мы считаем, что Т. Франко не нашел в украинском языке тех соответствий, которые позволили бы ему глубоко проникнуть в идейно-образную структуру оригинала.

С первых строк Катулл призывает Лесбию предаваться любви, не обращая внимания ни на какие кривотолки.

Rumoresque senum severiorum
Omnes unius aestimemus assis.

(Будем ценить в один асс все сплетни суровых старцев).

В переводе Т. Франка эта мысль оригинала искажена. Призыв Катулла к игнорированию всевозможных пересудов у переводчика превратился в спокойную констанцию — «всі балачки... дуже мало нас будуть обходити», удачнее воспроизведены эти строки у русского переводчика Адриана Пиотровского:

Воркотню стариков ожесточенных
Будем в ломаный грош с тобой ставить [5,
с. 26].

Передав название римской денежной единицы низкой стоимости как «ломаный грош», а *coniunctivus hortativus* «aestimemus» аналитической формой повелительного наклонения *будем ставить*, переводчик адекватно воспроизвел мысль античного поэта.

Говоря о кратковременности человеческой жизни, Катулл использует метафоры «*brevis lux*» [короткий свет], «*poх perpetua* una» (одна беспрерывная ночь), которые олицетворяют жизнь и смерть.

Этой антитезой Катулл усиливает эмоциональность чувств. В переводе Т. Франко антитеза не воспроизведена, замена глубокой мысли оригинала о кратковременности жизни человека и вечности смерти прозаическим и будничным высказыванием «спати нічку разом» диссонирует с философским содержанием этих строк. Не вписывается в художественную ткань этого стихотворения, отличающегося исключительно высокой поэтичностью и вдохновением, просторечные «нумо» и «непотріб», которые снижают изысканность поэтических строк Катулла.

Неумение воссоздать «дух» оригинала находим и в других переводах Т. Франко. Для Катулла как для поэта-неоторика характерно использование разных сведений из мифологии, истории, географии, описание подробностей, объяснения, склонность к анализу поведения людей, что придавало его поэтическим произведениям черты «научности». Непонимание этой особенности стиля римского поэта находим в переводе другого стихотворения к Лесбии (VII), в котором Т. Франко выпускает географическое название *Libyssae arenae* (Ливийская пустыня), мифологические имена Юпитера и Батта, легендарного основателя города Кирены, разрушая тем самым индивидуальность поэтического стиля Катулла.

Сопоставим перевод Т. Франко с оригиналом.

Quaeris, quot mihi basiationes
Tuae, Lesbia, sint satis superque.
Quam magnus numerus Libyssae
arenae

Zasarpiciferis iacet Cyrenis,
Oraculum Jovis inter aestuosi
Et Batti veteris sacrum sepul-
crum,

Aut quam sidera multa, cum
tacet nox [3, с. 4].

Питаєш, Лезбіє, кільки поці-
лунків

Твоїх буде досить мені і за-
надто.

Як велике число піску над
морем

У Кірені лежить, багатій
в лязер,

Або кілька є зізд у ніч спо-
кійну.

Кроме указанных пропусков, стихотворение переводится почти дословно, и тем не менее в переводе художественный образ безграничности, созданный Катуллом, значительно снижен. Отрицательно сказывается на качестве перевода раблепное стремление переводчика сохранить специфические особенности латинского языка, даже если они нарушают нормы литературного украинского языка. Например, для латинского языка характерным было употребление абстрактных понятий во множественном числе. Т. Франко в большинстве случаев сохраняет ее. В цитированном стихотворении сочетание «*furtivos amores*» (тайная любовь) он переводит «любові таємні», что нарушает норму в употреблении этой группы существительных в украинском языке. Перевод «*fascinare*» (околдовывать) диалектным «вректи» тоже не лучшим способом воспроизводит мысль оригинала о колдовстве, заимствованную Катуллом из старориталийского фольклора и часто встречающуюся в стихах к Лесбии. Очевидно, она была вызвана болезненными предчувствиями поэта о неизбежной разлуке с любимой.

Стремление к калькированию текста всегда приводит переводчиков к неудачам. Кажущаяся максимальная точность в большинстве случаев разрушает поэтическую ткань оригинала и, как правило, не воссоздает его художественно-образную систему. Особенности трудности возникают при переводе произведений античных авторов. Практика показывает, что успешно их преодолевают те переводчики, которые творчески относятся к искусству перевода. Они иногда комментируют произведение античного автора, шире раскрывая едва начерченный им художественный образ, иногда выпускают второстепенные детали, добавляя уместные уточнения, разъяснения и т. п. «Только глубокое проникновение в образную систему произведения и ее раскрытие средствами, не противоречащими этой системе, но органически входящими в русскую поэтическую традицию, может дать плодотворные результаты» [6, с. 57], — справедливо отмечает Н. Морева, анализируя переводы римских поэтов на русский язык. Эти требования вполне закономерны для всех переводчиков, работающих над литературными памятниками римской поэзии.

Т. Франко, переводя стихотворения Катулла, мало считается с особенностями украинского языка, что приводит к потере образности, высокой поэтичности оригинала, к снижению его познавательной и эстетической ценности.

В стихотворении к Кальву (XIV), где говорится о шуточных подарках в день Сатурналий, Катулл чистосердечно смеется над выдумкой своего друга, приславшего ему сочинения бездарных поэтов. Тонкая ирония здесь гармонически переплетается с сарказмом, изысканные эпитеты и сравнения с грубыми бранными словами. Т. Франко, стремясь во что бы то ни стало сохранить все слова оригинала, перенасытил перевод прозаическими деталями, чем ослабил тонкий юмор античного автора.

Катулл, чтобы выразить, например, ироническое отношение к бездарным поэтам, в последних строках стихотворения использует выражение, аналогичное украинскому «геть з моїх очей». Но у римского поэта I ст. до н. э. эта мысль приобрела весьма конкретное выражение «*illuc unde malum pedem attulistis*». Вместо «идите туда, откуда вы пришли» стоит «идите туда, откуда вы вытянули плохую ногу». Т. Франко калькирует это выражение, чем нарушает нормы поэтической украинской речи:

Vos hinc interea (valete) abite
Illuc, unde malum pedem attu-
listis,
Saecli incommoda, pessimi poe-
tae [3, с. 9].

Ви ж тим часом ідїть собі здо-
рові,
Звідки витягли ви нещасну ногу,
Ви прокляття віку, ви най-
гірші поети.

Приведем для сравнения русский перевод А. Пиотровского, в котором, на наш взгляд, намного лучше передаются мысли античного автора о плохих поэтах и его отношении к ним. А. Пиотровский, опустив слова оригинала «*malum pedem attulistis*», прибавил «взялись на зло и скуку», что дало ему возможность правильно передать ироническое отношение Катулла к модным стихоплетам.

Вы же прочь убирайтесь поскорее,
Прочь, откуда взялись на зло и скуку,
Язвѣ века, никчемные поэты [5, с. 86].

Лучшие из античных авторов, в том числе и Катулл, большое внимание уделяли звуковой инструментровке своих произведений. Т. Франко, игнорируя эвфонию, своими переводами обеднил художественные достоинства оригинала. Например, в гимне в честь Дианы, который поэт написал по заказу магистрата родного города Вероны, необычайная лиричность достигается простотой языка, яркими образами, певучими гликонеями, звуковыми повторами. Гимн этот исполняется двумя хорами — юношей и девушкой. В 3-й строфе, например, Катулл, называя Диану хозяйкой лесов, ручьев, журчанье горных потоков, передал плавными звуками «т», «п».

Montium domina ut fores
Silvarumque virentium

Saltuumque reconditorum
Amniumque sonantum [3, с. 17].

Т. Франко в своем переводе не воспроизводит эту особенность произведения Катулла:

Стала панею лісів
І гірських зарослих стопів,

Дебр укритих і низів,
І ревучих рік потоків.

Отмеченные особенности характерны и для других переводов Т. Франко:

Однако как уже отмечалось, Т. Франко, кроме переводов, принадлежит еще и перепевы на темы произведений Катулла. Отступая в них от принципов латинского стихосложения, украинский переводчик широко использует рифмованный четырехстопный ямб и хорей. Эти перепевы Т. Франко сам называет «свобідними». Обратившись, например, к X стихотворению Катулла, он дает ему название «Влізливий Вар» и по-своему обрабатывает его тему. В этом перепеве встречаются только отдельные образы Катулла, в целом же он выполнен в трагическом стиле, который в начале XX столетия мало вписывался в общую картину развития украинского перевода.

Для подтверждения сказанного приведем отрывок из этого перепева:

Раз по ринку йду бездільно,
Аж тут Вар мене насильно
Тягне до своєї любки.

А лиш злипну: не злі губки,
Мала й личко не погане

.....

Перепевы Т. Франко своим размером намного превышают стихотворения Катулла, все они имеют заголовки, которых, как известно, в античных поэтических произведениях не было. Язык и переводов, и перепевов Т. Франка беден, устарел даже для своего времени, к тому же не в меру насыщен диалектизмами. Стремление переводчика сохранить особенности латинского синтаксиса (прежде всего разбросанность членов предложения) нарушает нормы синтаксиса украинского языка. Все это не дало возможности Т. Франко

адекватно передать на украинском языке высокую поэтичность и изысканность произведений Катулла.

Из сказанного следует, что лирика талантливого римского поэта (I в. до н. э.) Гая Валерия Катулла известна на Украине с давних времен. Однако первые переводы его произведений относятся лишь к началу XX столетия. Принадлежат они Т. Франко. Придерживаясь в своей переводческой деятельности принципов буквализма и калькирования, он снизил познавательную и эстетическую ценность своих переводов, поэтому в наши дни они представляют определенный интерес в историко-литературном плане, поскольку без изучения переводческой практики предшественников трудно понять пути развития художественного перевода и по-настоящему оценить достижения советской школы перевода. И хотя Т. Франко не удалось создать высокохудожественных переводов из наследия римского поэта, его опыт, безусловно, способствовал усилению внимания украинских переводчиков к творчеству Катулла, к созданию лучших переводов его поэтических произведений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Прокопович Феофан. Соч. под ред. И. П. Еремина. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1961. 344 с.
2. З чужої левади. Збірка віршів у переспівах Тараса Франка. Львів, 1913.
3. Catulli G. Valerii. Carmina. Lipsiae, MCM III.
4. Старе вино у новому місці. Вибір веселих віршів із Катулла, Горація, Марціала. Переспівував Тарас Франко. Львів, 1913.
5. Катулл Гай Валерий. Лирика. М., 1957.
6. Морева Н. О переводе латинских стихов.— В кн.: Тетради переводчика. М., 1966.

СОДЕРЖАНИЕ

Бейдер Е. И. Психологические процессы решения задач на раскрытие значений языковых единиц посредством предметного соотнесения	3
Воронина Л. А., Роговская Б. И., Хаймович Б. С. О некоторых принципах составления русско-английского словаря полусвободных словосочетаний	7
Гаврилова А. И. О результатах статистической обработки лексики первого уровня распределительного словаря французского языка	11
Даниленко Т. И. Некоторые причины появления и распространения структур типа <i>to be hopeful, to be usable</i>	15
Дородных А. И. Формы сослагательного наклонения в региональных вариантах английского языка	20
Ефимов Р. В. Процессуальные аспекты номинации	26
Ещенко Ю. Ф. О системе местоименного замещения в современном английском языке	32
Ещенко Ю. Ф. Сопоставительный анализ систем местоименного замещения в английском и русском языках	37
Калиниченко А. А., Калиниченко А. С. Семантические интерференции в интернационализмах и их роль в речевой коммуникации	41
Каравашкин В. И. Каузальные композиты в глагольном словосложении	47
Кибук С. А. Заместители, их antecedенты и замещаемые	53
Красников Ю. Ф. К вопросу о сопряженных лексико-грамматических трансформациях при переводе с немецкого языка на русский	55
Молодец В. Н. О некоторых принципах составления русско-немецкого словаря лингвистических терминов	61
Муха Р. Г., Хаймович Б. С. Структуры, сходные с конструкцией прямой речи	66
Мchedлова-Петросян Н. Н. Некоторые данные исследования лексики художественной литературы Англии XIX века	71
Непомнящая Э. А. Проблемы мотивации учебной деятельности по иностранному языку	74
Овденко А. В. Аффикация — один из продуктивных способов словообразования в американском общем сленге XX столетия	79
Одиноква В. И. Эллипсис как одна из манифестаций лексико-семантического варьирования слова. (По материалам современных французских писателей-прозаиков)	83
Олешко Л. Г. Утверждение, ограничение и отрицание в языке и речи. (На материале современного французского языка)	91
Потапова Ж. Е. Антонимический перевод немецких наречий на русский язык	95
Проценко В. С. Местоименные формы инструменталиса в древневерхненемецком языке	99
Тарасова Е. В. О некоторых проблемах анализа региональных разновидностей современного английского языка	105
Терехова М. П. О синонимии в медицинской терминологии	111

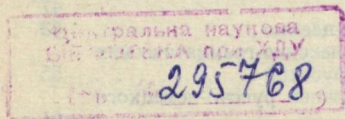
Тимошенкова Т. М. К вопросу о парцелляции в современном английском языке	114
Ткаченко Ю. М. Сочетаемость причастия в современном английском языке	117
Шайханурова Л. В. К вопросу о трактовке причастия II английского глагола	123
Шварц М. Б. О способах перевода немецких сложноподчиненных предложений с придаточными объектными (с союзом daß) на русский язык	127
Корж Н. Г. Тарас Франко — переводчик Катулла	132

ВЕСТНИК ХАРЬКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

№ 141

Иностранные языки

Выпуск 9

Редактор Л. В. Яричевская
Художественный редактор А. С. Романова
Технический редактор Г. П. Александрова
Корректоры Л. П. Пипенко, Н. С. Калинина

Сдано в набор 13/XI 1965 г. Подписано в печать 20/IV 1976 г. Формат 60 × 90^{1/16}. Бумага типографская № 1. Усл. печ. л. 8,75. Уч.-изд. л. 9,9. Тираж 1000. Заказ № 5-583. БЦ 50108. Цена 62 коп.

Издательство издательского объединения «Вища школа»
при Харьковском государственном университете.
310003, Харьков, 3, Университетская, 16.

Отпечатано с матриц Книжной фабрики им. М. В. Фрунзе в Харьковской городской типографии № 16 Областного управления по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 310003, Харьков, 3, Университетская, 16. Зак. 920.